

Литературная гостиная «Во имя Бога и народа...»

(памяти Э.Л. Войнич).

Целевая аудитория: обучающиеся 9-11 класса.

Цель: привитие интереса и любви к вдумчивому чтению художественной литературы.

Задачи:

❖ информационно-предметные:

- расширение литературного кругозора обучающихся;
- развитие навыков самостоятельного анализа и оценки литературного произведения.

❖ деятельностьно-коммуникативные:

- формирование эстетических и психологических механизмов общения обучающихся с литературой и друг с другом;
- развитие у обучающихся навыков четко формулировать свои мысли и отстаивать свое мнение.

❖ ценностно-ориентационные:

- воспитание высокого эстетического вкуса и гражданской идейно-нравственной позиции;
- формирование мировоззрения личности обучающихся.

Оформление аудитории: портрет, выставка книг Э.Л. Войнич, мультимедиа с музыкальной медиатекой.

Необходимый подготовительный этап: При подготовке

Литературной гостиной все участники получают задание прочитать трилогию Э.Л. Войнич («Овод», «Прерванная дружба», «Сними обувь твою»), роман К. Маккалоу «Поющие в терновнике»; посмотреть фильмы «Овод» (1955 и 1980 гг).

Сценарий Литературной гостиной.

Ведущий 1: Добрый вечер, дорогие гости! Зажгите свечи! Мы приглашаем вас в *Литературную гостиную*. Сегодня наша встреча посвящена английской писательнице, переводчице, композитору Этель Лилиан Войнич, 160 лет со дня рождения которой исполняется 11 мая 2024 года.

Ведущий 2: Творчество Этель Лилиан Войнич заслуживает, несомненно, внимания не только читателей, но и литературоведов, поскольку главный её вклад в литературу остался не просто до конца не исследованным, но даже незамеченным. И этот вклад, прежде всего, не в стилистических или сюжетных особенностях её литературного творчества (хотя у автора есть и узнаваемый индивидуальный стиль, и интересные сюжетные повороты), но в героях особого типа, введённых ею в литературу.

Ведущий 1: Для большинства русскоязычных читателей имя Этель Лилиан Войнич ассоциируется, как правило, только с её самым известным литературным произведением, романом «Овод».

Ведущий 2: А говорит ли что-нибудь название этого романа

нынешней молодежи? На первый взгляд, вряд ли. По крайней мере, большей части. А в советское время роман цитировали и обсуждали. Этую книгу читали и перечитывали, над нею рыдали ночами, сжав кулаки, а утром выходили в жизнь с сухими глазами и горящими сердцами, готовые к бою и к смерти за счастье и свободу родного народа.

Ведущий 1: Молодое поколение Советского Союза видело в романе яркую героическую линию – бесстрашного юношу (не лишенного романтики и сильных чувств), несправедливо обвиненного в предательстве, а позже возмужавшего и бросившегося в бой за независимость Италии, а люди старшего возраста рассуждали об антирелигиозной направленности произведения.

В советское время эту книгу настойчиво рекомендовали для внеклассного чтения четырнадцатилетним.

Ведущий 2: Рекомендовали... *вопреки мнению самой Э.Л. Войнич* о том, что ее роман был написан для взрослой аудитории и "*подросткам едва ли бы поздоровилось бы от такой пищи, как «Овод»!*"! Странно, не правда ли?

Ведущий 1: Почему, по мнению Э.Л. Войнич, ни первая театральная постановка по мотивам романа «Овод», предпринятая при участии Бернарда Шоу в Лондоне в «Виктория-холле» 31 марта 1898 года, ни советский фильм 1955 года не смогли правильно отразить смысл

книги и понять идеи писательницы? Почему автор возмущенно отказалась от гонораров за спектакль, назвав его «*дешевой мелодрамой*», а после просмотра советского кинофильма горестно произнесла представителям журнала «*Огонёк*»: «*Hem! Hem! Я писала совсем о другом!*»?

Ведущий 2: Дореволюционные критики первых изданий романа, да и практически все критики советского времени видели в нем только яростное провозглашение атеизма и смерть за его идею. Но этого ли хотела сама Э.Л. Войнич?

Ведущий 1: Если автор написала свой роман *против Бога*, тогда *почему* в 1898 году едва переведенный на русский язык *он публикуется впервые в религиозной царской России на страницах журнала «Мир Божий»*? Всё это более чем странно!

Ведущий 2: Трудно сказать, насколько верно утверждение, что большинство писателей так или иначе проецируются в своем творчестве. Наверное, это правда: ведь на бумагу выливаются мысли и чувства – то, что пережито и выстрадано самим человеком, увидено им со стороны, а затем оценено и отражено с позиции своего мировоззрения.

Ведущий 1: Давайте попробуем проследить, жизненный путь Э.Л. Войнич, чтобы отыскать истоки её творчества и попытаться лучше понять характеры героев её произведения. Поверьте, биография этой

женщины заслуживает внимания, ведь в ней столько событий, что одно только их перечисление напоминает канву приключенческого романа.

Библиограф 1: Лили родилась в Ирландии, в графстве Корк, 11 мая 1864 года. Она стала пятой дочерью в семье профессора математики Джорджа Буля, известного в мире точных наук, как создателя начал математической символической логики, на которой *основана вся современная цифровая техника.*

Библиограф 2: Но до своих первых шагов в мире высшей математики отец Лили был священнослужителем и в своём труде «Исследование законов мышления, на которых основываются математические теории логики и вероятностей» высказал убеждение, что существование Высшего Разума в большей степени проявляется «из наблюдений за окружающей средой, изучение строения и морального формата нашего собственного естества».

Библиограф 1: Джордж преподавал в университете и очень ответственно относился к своей работе. Лили было всего полгода, когда отца не стало: попав под проливной дождь по дороге в университет, он пренебрег своим здоровьем и, вместо того, чтобы обсушиться и согреться, поспешил на лекции к своим студентам. Он продолжал проводить занятия в университете и всю последующую неделю, пытаясь на ногах перенести пневмонию, последовавшую

после холодного дождя, но болезнь оказалась сильнее.

Библиограф 2: Мать Лили, Мэри Буль, тоже математик по образованию, оставшись с маленькими дочерьми практически без средств к существованию, приняла решение перебраться в Лондон и попытаться заработать на хлеб репетиторством. Бедность стояла у порога все детские годы Лили. Но семья жила дружно.

Библиограф 1: Мэри воспитывала дочерей в христианской вере, часто читая им рассказы из Библии. Беседы на библейские сюжеты о добре и зле в изложении Мэри расцветали яркими красками. Лили могла часами слушать голос матери. Образы и героические истории из Священного Писания производили на ребёнка огромное впечатление. Девочка знала наизусть множество молитв и по-детски безыскусно верила в Бога, как верят в доброго и мудрого отца всех живущих на земле людей — ведь своего отца она не знала. Истины: «*будь хорошим — и Бог не оставит тебя*», «*любое зло и несправедливость будут наказаны*» прочно уложились в сознании Лили с детства.

Библиограф 2: А ещё Мэри часто рассказывала дочерям историю о том, как однажды семья Буль приютила в своем доме двух итальянских революционеров — графа Кастелламаре и Карло Поэрио, приговорённых к пожизненному изгнанию. Их посадили на корабль, следующий из Италии в далёкую Америку. Но изгнанники

потребовали у капитана отвезти их в Англию, а когда он отказался, подняли мятеж. Вся команда перешла на их сторону. Корабль бросил якорь близ Корка. Сердобольный либерал Джордж Буль и его жена поселили беглецов на чердаке своего дома. Поправив здоровье, итальянцы уехали, горячо уверив своих благодетелей, что вечно будут их должниками.

Библиограф 1: Всё это случилось задолго до рождения Лили. Но, видимо, Мэри умела излагать события очень образно. В сознании маленькой девочки история о мятежниках переплелась с настоящими событиями детских лет Лили. И, играя, девочка стала всё чаще рассказывать сёстрам о том, что это она, Лили, сама приносила на чердак еду графу Кастелламаре, который был так слаб, что не мог спуститься вниз к обеду. Она «вспоминала», как он был добр, благороден, что он влюбился в неё и предложил уехать вместе, чтобы вести жизнь, полную приключений. *«И я очень хотела бы уехать с ним... но было жалко оставить маму»*, - заканчивала девочка, как завороженная глядя в картинки своих детских грёз.

Библиограф 2: В восьмилетнем возрасте Лили тяжело заболела. Девочка долго металась в жару, а потом выздоравливалась – трудно и очень медленно. Скудное питание, которое Мэри, выбиваясь из сил, могла предложить своим дочерям, не способствовало укреплению детского иммунитета. А денег на мясо и фрукты у Мэри Буль не

было. Когда Лили всё-таки выздоровела, мать решила отправить её в деревню. Бледная исхудавшая за время болезни девочка поселилась у своего родного дяди Чарльза Буля, занимавшего административную должность на шахте в Ланкашире. Брат Мэри имел достаток. И мать Лили надеялась, что хорошее питание и свежий воздух вернут её девочке здоровый румянец и силы жить.

Библиограф 1: Вот только поговорка о благих намерениях, ведущих в ад, сбывается чаще, чем нам хочется. Чарльз Буль, дядя Лили, оказался религиозным фанатиком, свято верявшим в то, что Бог дал ему жизнь для искоренения людских пороков.

С поистине жутким рвением дядя взялся и за воспитание вверенной его заботам племянницы. Не смея поднять руку на Лили, Чарльз Буль выискал иной способ запугивать и мучить хрупкого впечатлительного ребёнка. Он заставлял племянницу часами играть на пианино, а сам в это время «колотил ключами о стол и строил девочке ужасные гримасы».

Библиограф 2: Однажды дядя обвинил девчушку в краже куска сахара и потребовал, чтобы племянница непременно созналась. Лили молчала, ведь сахара она не брала. Тогда по приказу дяди её надолго заперли одну в темной комнате. Лили дрожала от страха. Она молила Бога, чтобы он вызволил её из заключения. Но, видимо добрый и справедливый Бог был занят и не слышал ребёнка. И тогда

в полном отчаянии девочка воскликнула, обращаясь к Отцу и Заступнику всех униженных и оскорбленных: *«Господи, если ты меня отсюда не вызволишь сейчас, сию минуту, я никогда больше не буду тебе молиться!»*. Но разве ребёнок вправе ставить условия Богу? Наверное, поэтому Всевышний так и не захотел ей помочь ...

Библиограф 1: Лили stoически держалась. А потом твердо заявила дяде, что утопится, если он не прекратит своих несправедливых действий. И Чарльз Буль был вынужден отступить. Он написал Мэри гневное письмо с требованием забрать дочь, которая плохо влияет на его детей. Лили была отправлена к матери. Но по возвращении от дяди домой у девочки случился «нервный срыв».

Боль и обида из-за унижений, разочарование в добром Боге, допустившим несправедливое обращение с ней Чарльза Буля и не защитившим её от издевательств и наговоров, повлияли на духовную жизнь и позже нашли отражение в произведениях писательницы, во многом определив темы ее творчества.

Библиограф 2: В возрасте восемнадцати лет Лили получила небольшое наследство от тёти и уехала в Берлин поступать в Королевскую консерваторию по классу фортепиано. Девушка мечтала о карьере музыканта, и природная музыкальная одарённость несомненно давала ей надежды на успех. Ей пророчили большое будущее, пока однажды пальцы Лили не поразила невралгия: кисти

рук стала сводить судорога, едва девушки дотрагивалась до клавиш инструмента. Похоже это было следствием нервного срыва, перенесенного в детстве: дядя, колотящий ключами всякий раз, едва Лиши садилась за фортепиано... Музыку пришлось оставить. Это был удар. Лиши чувствовала себя потерянной, ненужной.

Библиограф 1: Чтобы прийти в себя и сменить обстановку, девушка предпринимает поездку в Париж, где посещает музеи и выставки. Однажды в одной из галерей Лувра Лиши увидела картину, которая сразу затронула её воображение. На портрете кисти Франческо Франчабиджо был изображен юноша в чёрном. Гордо поднятая голова. Бледное лицо на фоне тёмных кудрей. Чёрный берет. И хотя по тонко изогнутым губам скользит тень улыбки, глаза не улыбаются: они – как два тёмных провала в бездну.

Библиограф 2: И этот печальный взгляд юноши с портрета сначала, как магнитом притянул Лиши, а затем поразил в самое сердце. Память вернула её в детство: рассказы матери о графе Кастелламаре, наивная детская влюбленность в человека, которого она никогда не видела... Но – вот же он! Смотрит с портрета и словно зовёт за собой в свой далёкий мир... Какая у него горькая складка у рта – видимо, на его долю выпало немало страданий. Но он выстоял! Значит, сможет все вынести и она, Лиши.

Библиограф 1: К тому времени Лиши сама давно уже носила только

чёрное, соблюдая траур по отсутствию в мире подлинной свободы для всех.

Она закажет копию портрета и, уезжая в Лондон, увезёт полотно с собой. Отныне её герой всегда будет с ней. Где бы она ни жила. Он - самый лучший из всех... Лили нашла отражение своих полудетских грез и теперь, пристально вглядываясь в лица тех, с кем её сводила судьба, напряжённо искала реальной встречи со своим «мятежным графом».

Библиограф 2: Лили много читает. Вильям Блейк, Шекспир, Мильтон, Шелли - эти великие английские поэты становятся спутниками ее жизни. С особым восхищением она изучает историю жизни греческого философа Сократа, восторгаясь его мужеством и верностью своим убеждениям.

Известие о том, что в марте 1881 года революционеры в России убили царя Александра II, произвело на Лили очень сильное впечатление. Она старалась понять смысл того, что происходило в далекой и непонятной ей России. Ее интересовали русские революционеры, она видела в них подлинных героев, и хотела узнать, что это за люди.

Библиограф 1: В декабре 1886 года Лили познакомилась с автором книги «Подпольная Россия», жившим тогда в Лондоне. Это был известный писатель, русский революционер, уже около восьми лет

находившийся в изгнании. Настоящее его имя было — Сергей Михайлович Кравчинский, но за границей он был известен под псевдонимом «Степняк».

Библиограф 2: Кравчинский старше Лили на тринадцать лет, шутя называет ее Булочкой (от фамилии Буль). Он учит ее русскому языку и рассказывает, рассказывает о том, как пробирался через границу в Герцеговину, когда там вспыхнуло восстание против турецкого ига, как девять месяцев провел в итальянской тюрьме за участие в вооруженном мятеже в провинции Беневенто...

Библиограф 1: Лили слушает, затаив дыхание, — вот она, настоящая жизнь, вот он, человек, готовый умереть за свободу всего человечества! Окутанная романтическим ореолом революции, девушка влюбляется в Россию. Уверенная, что именно там живут настоящие герои, идущие на смерть ради всеобщего блага, она отправляется в Петербург.

Библиограф 2: Там Лили Буль оказалась в самом центре революционной борьбы. Она видела «Народную волю» в действии и разгром этой террористической организации, присутствовала на похоронах Салтыкова-Щедрина. Молодая англичанка участвовала в собраниях и кружках революционеров, носила передачи арестованным. Она воочию видела весь ужас произвола царского

самодержавия. Сотни лучших людей России погибали на виселицах, томились в тюрьмах и на каторге.

Библиограф 1: Летом 1889 года Лили вернулась на родину, где и вступила в созданное С.М. Кравчинским «Общество друзей русской свободы». Она работала в редакции эмигрантского журнала «Свободная Россия» и в фонде вольной русской прессы. Между делом вышла замуж за польского революционера-эммигранта Вильфреда Войнича...

А ещё в это время Лили занялась переводами. Именно Этель Лилиан Войнич стала для читателей западного мира первооткрывательницей выдающихся имен русской и украинской литературы. Она перевела на английский Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Глеба Успенского.

Достоевским она просто зачитывалась. Произведения этого автора оставили в душе Лили неизгладимый след.

Библиограф 2: Однажды в порыве откровенности Лили рассказывает Кравчинскому о своих детских мечтах, да так ярко, непосредственно, что Степняк советует девушке попробовать написать роман...

Эта мысль долго не оставляет её. Лили потихоньку начинает обдумывать план своей книги. *Это будет её и только её роман, а значит, и герой его будет всецело принадлежать ей, и здесь, в*

вымышенном мире, она никогда его не потеряет. Его будут звать Артуром. ... Сделать ли героя русским? Должны ли события, описанные в романе, происходить в России? А как же тогда граф Кастелламаре? Нет, местом действия её романа будет Италия. И Артур станет наполовину англичанином, наполовину итальянцем. Лили торопливо пишет: «*Небольшого роста, хрупкий, он, скорее, походил на итальянца с портрета XVI века...*»...

Ведущий 1: Но чтобы создать роман, нужно обязательно побывать там, где жил её герой. Воочию увидеть то, что видел он, и описать это...

И Лили одна уезжает в Италию (сначала во Флоренцию, затем в Тоскану). А там день за днём она писала, сутками, не выходя из своей комнатки. Она не читала газет, не отвечала на письма. Неделями она ни с кем не разговаривала. Одиночество её не тяготило — с ней был её Артур. Она любила его всё больше и больше. Иногда Лили становилось очень жаль его — сколько ударов судьбы она ему уготовила, скольким испытаниям подвергла!

Ведущий 2: Живя в Тоскане, она работала с таким упоением, что даже не заметила случившегося там землетрясения. Когда тосканцы были в панике, Лили даже не подняла головы от наполовину исписанного листа. А листов становилось все больше, они лежали повсюду — на столе, на полу, на постели. Лили чувствовала, что,

кажется, её книга «недурно выходит».

Ведущий 1: «Овод» был написан на одном дыхании, как выплеск на бумагу яркой влюблённости и романтических мечтаний детства. В Италии Лили прошла по каждой дорожке своего героя. Она сочинила поэму его жизни, путешествуя по горным тропам Италии вместе с контрабандистами, останавливаясь в тех местах, где проходила жизнь Овода. Она подолгу работала в архивах. А потом писала, писала и вновь исправляла написанное.

Ведущий 2: Она побывала в крепости Бризигеллы. Сама прошла последний путь своего героя – через крепостной двор к фиговому дереву, под сенью которого для него была вырыта могила...

Проведя четыре творческих месяца в Италии, Лили вернулась в Лондон. Роман был написан. Лили влюбилась в своё творение, но полюбят ли его остальные? Что ж, не так уж это и важно, ведь писала она главным образом для себя.

Ведущий 1: В 1897 году роман «Овод» небольшими тиражами почти одновременно вышел в Англии и Америке. Американский рецензент написал, что произведение госпожи Войнич весьма вредно для молодых неокрепших умов, так как его «страницы наполнены кощунством и богохульством». Что ж, лучшей рекламы и не придумаешь. Весь американский тираж был раскуплен мгновенно, а многие читатели остались в убеждении, что автор книги — мужчина.

Ведущий 2: Лили же очень хотелось, чтобы её «Овод» был опубликован в России. И она добилась этого! С начала 1898 года роман начал выходить отдельными главами (в переводе Зинаиды Венгеровой и с цензурными купюрами) в журнале «Мир Божий». И сколько восторженных барышень, а за ними и юношей с горящими глазами ушли, благодаря ему, в революцию – известно лишь одному Богу...

Ведущий 1: Советские исследователи и критики литературы отмечали невероятное эмоциональное воздействие «Овода» на читателя, однако, не соотносили его с пратекстом, хотя в самом романе даётся множество отсылок, цитат и ассоциаций с Новым Заветом. И при детальном рассмотрении и анализе текста «Овода» вдруг появляется мысль о том, что *канва, на которой выстроен роман, это сюжет Евангелия.*

Ведущий 2: А что, если написание этого романа в действительности было попыткой Э.Л. Войнич создать Евангелие от Революции, новой библии, где во главе передела мира и его освобождения стоял бы человек, наделенный стоическим духом и волей, человек самостоятельный и не связанный с божественным началом?

Ведущий 1: Анализ исторического фона, на котором происходит действие романа «Овод», приводит к мысли, что временные рамки итальянского национально-освободительного движения против

Австрийской империи были выбраны Войнич не случайно. Автор словно сравнивает описываемую ею действительность и национально-освободительное движение против Римской империи времен раннего христианства. Но этот исторический фон не является главным предметом изображения как в Евангелии, так и в «Оводе». Нет, в центре повествования стоит в одном случае история Иисуса Христа, в другом – история Артура Бертона. Но, если попробовать сравнить их... Вывод очевиден – **они похожи!**

Ведущий 2: Анализ произведения позволяет сделать вывод, что две обозначенные эпохи не просто сопоставлены автором между собой, они сконструированы из многих общих элементов, из-за чего происходит образное отождествление событий и персонажей, относящихся к различным времененным планам. Подобные элементы настолько явно присутствуют в тексте, что позволяют рассуждать о преднамеренном их использовании автором в качестве структуро- и смыслообразующих «кирпичиков» повествования.

История Артура Бертона (Овода), рассказанная нам Э.Л. Войнич, вмещает в себя целый ряд черт и мотивов, позволяющих сопоставить её с евангельской историей, рассказывающей о жизни Иисуса Христа. Давайте попробуем перечислить эти мотивы!

Ответы гостей:

- Во-первых, это намёк на некое тайное непорочное зачатие от бога

Иеговы, Бога-Отца (*рождение от священника, давшего клятву целибата*); во-вторых, это двойное рождение (*рождение от божественных и человеческих родителей* - *Монтанелли / Глэдис и семья Бертонов*); в-третьих, набожность в юности, сменяющаяся своим еретическим пониманием христианства (*вспомним разговор ещё Артура и Монтанелли - Артур спорит с Монтанелли о понимании христианства, и говорит, что высшей целью христианского учения должна быть борьба с несправедливостью, «свобода Италии, освобождённой от цепей и рабства»; Монтанелли же стоит на позиции твёрдой католической догматики и безнадёжно пытается разубедить Артура*) – но не это ли учение создал евангельский Христос, выступая против старых храмов, «фарисеев и книжников»?

- А еще - это то, что Артур разбивает распятие после разочарования в своём кумире, в Монтанелли (*в Евангелии Христос разбил ложные идолы и изгнал менял из Храма*).
- Артур исчезает в возрасте девятнадцати лет и появляется лишь в конце своего Служения Италии, в возрасте тридцати трех лет, распространяя свои взгляды в виде памфлетов и фельетонов, направленных против церкви (*в Евангелии Христос исчезает из евангельского повествования на тринадцать лет, чтобы появиться в тридцать три года, с Нагорной проповедью, выступающей*

против Синедриона, войти в Иерусалим и отправиться на Голгофу).

- Это и тайное посвящение на высокое предназначение (*нахождение*

Артура в далекой стране - *так называемый «темный период» из*

жизни Христа), возвращение из далекой страны.

- Это и «Тайная вечеря» романтического прощания с Джеммой –

вновь намек на Евангелии: *«примите, ядите, сие есть тело моё; сие*

творите в моё воспоминание».

- Арест Овода – это дальнейшее развитие образа Христа: священное

пространство церкви, где встречает молящегося Монтанелли Овод,

выступает в качестве аналога пространства Гефсиманского сада, где

молился Христос, сам арест у церкви повторяет тот же мотив из

Евангелия - Овод не сопротивлялся этому аресту, как и Иисус; арест

происходит при большом скоплении народа.

- У Христа был свой Гефсиманский сад - пронзительный разговор с

Богом-Отцом и принятие необходимости жертвы. И такой же по силе

воздействия разговор происходит в тюрьме у Овода с его отцом.

Ведущий 1: Если не принимать во внимание психологических

аспектов личности Артура, то Овод для автора - это Христос,

противящийся злу насилием. И если освободить его образ от

повстанческой патетики, то явственно обнажается трагедия сына,

оставленного отцом, преданного Иудой и неизбежно движущегося

к смерти.

Ведущий 2: Автор, событийно смещает временные рамки евангельского сюжета, «воскрешая» Овода до его фактической гибели: Артур является соратникам и Джемме после «преображения», не узнанный ими. Точно так же, как восставший из мертвых Иисус не был узнан учениками и Марией Магдалиной.

Тот же лейтмотив воскресения повторяется уже ближе к финалу, в диалоге Артура и падре: «*Артур, – прошептал Монтанелли, – это в самом деле ты? Ты вернулся ко мне? Ты воскрес из мертвых?*».

Ведущий 1: Эпизоды романа, посвящённые встречам Овода и Монтанелли в покоях кардинала, а затем - в тюрьме, также вызывают сильнейшие ассоциации с евангельским сюжетом, повествующем о суде римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата над Иисусом Христом. Соответственно, в роли Пилата в романе Войнич выступает кардинал Монтанелли, а в роли Иисуса - Овод. Роль же Каиафы играет в романе полковник Феррари, настаивавший на смертной казни главного героя.

Ведущий 2: Монтанелли, духовный отец Артура, оказывающийся в действительности отцом по крови, проходит путь от трогательного наставничества до заклания сына ради блага народа (Путь Бога-Отца). И сам предлагает своему сыну решить свою судьбу: «*К этому другому, лучшему человеку я и обращаюсь, и заклинаю его сказать мне чистосердечно: что бы вы сделали на моём месте?*». И

почти точным подтекстом из Евангелия здесь проходит мотив божественной природы Сына, которому также предлагалось Богом-Отцом стать соавтором собственной участи: «*Да минует меня Чаша сия!*» – «*Разве не довольно того, что ему придётся умереть – ему, полному сил и жизни!*».

Гость 1: Так называемый мотив «умывания рук» дважды присутствует в романе Э. Л. Войнич. Первый из них происходит, когда Монтанелли во время путешествия с Артуром в швейцарские Альпы так и не находит в себе силы признаться юноше в том, что является его родным отцом. Монтанелли в этот момент терпит настоящее духовное самоубийство, так как впоследствии на долгое время остаётся в убеждении, что стал убийцей – и духовно, и физически – собственного сына.

Как известно, согласно одной из версий, распространённых в то время в Европе, Понтий Пилат покончил с собой после казни Христа именно в швейцарских Альпах, сбросившись со скалы. Смерть кардинала Монтанелли в романе является своеобразной проекцией самоубийства Понтия Пилата. И первый, и второй «умывают руки», когда дают согласие на казнь заключенных (Овода и Христа), а затем, не вынеся угрызений совести, сознательно обрывают свою жизнь.

Ведущий 1: Рассмотрим проецирование в романе двух последних мотивов, связанных с образом Христа – распятие и воскресение.

Расстрел Овода и Голгофа Христа – оба события происходят в Церковный праздник (*Пасха – для Христа и католический праздник Тела и Крови Господних – для Овода*).

И Овод, и Христос претерпевают великие страдания и, погибая за правду, подвергаются насильственной смерти, т. е. казни (расстрел, распятие). И казнь Овода очень символически повторяет мистерию, разыгравшуюся на Голгофе. Так, если Спасителя приколачивают к кресту гвоздями, повредив Ему руки и ноги, то Овода расстреливают, изрешетив тело пулями, в том числе руки и ноги. Следующей, объединяющей обоих героев, чертой является длительность процесса умирания (как известно, Иисус Христос умирал 6 часов), вызывающего мучительные страдания. Именно это испытывал Овод во время расстрела. Также в тексте преломляется мотив созествия в ад и воскресения героя.

Ведущий 2: Мотив воскресения в романе реализуется следующим образом: Джемма, выступающая в роли Марии Магдалины, получает письмо Овода, которое принёс ей солдат (*согласно одной из версий Евангелия, именно ей ангел сообщил о воскресении Спасителя*), для того, чтобы соратники Овода продолжили начатое им дело (*воскресение Христа в Евангелии – это тоже, прежде всего, воскрешение его Учения*).

Гость 2: Ещё от Евангельской фабулы в романе - потрясающая

проповедь Монтанелли в конце романа (*безумная, но это не умаляет её значения и красоты!*), о «страданиях Бога-Отца», где он оплакивает Артура и признаётся толпе во всех своих грехах (*толпа ведь за один час узнаёт, что Овод - сын Монтанелли, и что Монтанелли отправил его на смерть!*).

Эта проповедь - изображение пустыни души Монтанелли, пришедшего к полному краху всей своей жизни, эти «холодные, пустые небеса» - ... и никакой надежды!

Смерть Овода всё-таки более оптимистична, несмотря на весь трагизм - как оптимистично и Евангелие. А страдания Монтанелли действительно напоминают ветхозаветного Иегову, слова из одной книг Ветхого Завета, а именно, Экклезиаст (*«Суета сует и всё суета»*).

Ведущий 1: Таким образом, в художественной ткани романа Э. Л. Войнич репродуцируется эпоха возникновения христианства. С помощью различных структурно-семантических компонентов (образов, мотивов, сюжетных сопряжений) эта эпоха вплетается в основное повествование «Овода», подчёркивая вневременной, вечный характер повторяемости сакральных событий, в которых главенствующая роль принадлежит исключительной личности, подобной Основоположнику христианства.

Ведущий 2: В романе Э. Л. Войнич «Овод» через общую канву

произведения проходит множество мотивов и различных «сцепок», но все они подчинены двум главным — словно автор с помощью различных линий пытается донести до читателя те темы, которые очень важны для неё самой. Во-первых, это тема, которая была, есть и будет актуальной во все времена: тема взаимоотношений отцов и детей. Во-вторых, тема исследования границ веры человека в Бога — когда настает рубеж и раб Божий отрекается от своего идола. Обе эти темы помогают развивать целая система мотивов. Попробуем рассмотреть основные из них.

Гость 3: Во-первых, это *мотив лжи и предательства*, который волнует умы писателей уже не одно столетие (достаточно вспомнить хотя бы пьесы Шекспира — «Король Лир», «Гамлет», «Макбет»).

Э.Л. Войнич раскрывает эту тему своеобразно и последовательно. Сначала главный герой романа Артур Бертон, казалось бы, становится предателем сам. Затем оказывается, что и его предали, обманом выманив признание на исповеди. А потом всплывает и самое главное предательство, которое останется незаживающей раной в душе Артура до конца его жизни — это предательство *padre* Монтанелли: «*Я верил в вас, как в бога. Но бог — это глиняный идол, который можно разбить молотком, а вы лгали мне всю жизнь.*».

Гость 4: О тех, кто его предал, Артур мучительно долго будет вспоминать в «Прерванной дружбе», романе, посвященном его

странствиям и формированию новой личности – Феличе Ривареса, перечислив и мать, и девушку, в которую он был нежно влюблен, и друзей, поверивших в клевету, и отца («друг, и святой и ...лгун!»). Что интересно, с тех пор сам Артур — а, начиная со второй части романа «Овод» и в «Прерванной дружбе» — Овод или же Феличе Риварес — болезненно ждет предательства, даже создается впечатление, что он его ищет сознательно, ибо готов усмотреть это предательство даже там, где его нет.

Ведущий 1: Мотив лжи и предательства красной нитью проходит через весь роман, постепенно формируя тот метаобраз, который был так важен Войнич во всём её творчестве — метаобраз предаваемого, который раскрывается посредством других мотивов.

Гость 5: Это — ***мотив загубленной юности.*** Этот мотив явно присутствует в романе и чётко связан с его главным героем: правда о предательстве отцом Артура вскрылась для юноши именно в пору расцвета жизни — в 19 лет. В неудавшейся юности «предаваемого» виновата семья, как и в его одиночестве и в разочаровании в Боге. Именно семья становится источником проблем для главного героя, ведь впоследствии все обиды и психологические травмы он переносит в свою взрослую жизнь, мучаясь и страдая от этого долгие годы.

Гость 6: А еще это ***мотив искупления вины.*** Артур искренне верит,

что все беды и горести, через которые ему пришлось пройти, - это своеобразное искупление вины за то, что он был рождён вне брака, за то, что отцом его стал католический священник (искупление ребёнком грехов родителей).

Гость 7: И *мотив одиночества* среди непонимающих тебя людей. Убежав из дома, главный герой всё время вынужден в одиночку сражаться с враждебным ему миром – только чтобы выжить. Находясь в Южной Америке, Артур, ставший для всех Феликсом Риваресом, угощает каждому из членов экспедиции, кроме Маршана (доктора) и Рене, поскольку те не позволяют ему выполнять свою работу, и внимательно изучает всех этих людей, чтобы приноровиться к ним, стать для них незаменимым. Трезво оценивая своё положение, он с горечью констатирует факт, что люди сейчас интересуют его всего лишь с двух точек зрения: может ли он использовать этого человека или должен ли он этого человека бояться.

Ведущий 2: На протяжении всей своей жизни после первого предательства Монтанелли, Артур сознательно избегает привязанности к людям, потому что от каждого человека ждёт обмана. Он сам обрекает себя на одиночество и совершенно не тяготится этим – он стремится к нему. Мы видим, что, привязавшись к Рене и Маргарите (роман «Прерванная дружба»), он все равно

постоянно пытается держаться от них на расстоянии, не позволяя сердцу оттаивать. И потом, после настраивания самого себя на печальный исход, он находит «лазейку», чтобы порвать и с этими людьми, не замечая, насколько он им на самом деле дорог.

Гость 8: Я хочу обозначить *мотив двойственности* человеческой личности. Тринадцать лет, отделяющих первую часть романа от второй, не проходят для главного героя бесследно. Исчез, потерялся где-то на берегах Южной Америки красивый синеглазый восторженный юноша. Вместо него возвращается двойник-перевёртыш – трикстер, цинично смеющийся над всем и всеми, болезненно реагирующий на многие вполне безобидные вещи. И в то же время – стоик, презирающий собственную боль и саму смерть, готовый на всё, ради дела, которому служит. Артур принял свое второе «Я», дал ему имя и старается с ним ужиться. Он прячется от действительности под маской внешнего показного цинизма, защищая себя от воздействия реального лживого мира.

Гость 9: *А еще - мотив неумения прощать.* Разрыв с людьми усугубляется для главного героя трагическим неумением прощать. Овод не только страдает от этого неумения, он сознательно не даёт себе простить, вызывая в памяти страшный призрак бродячего цирка всякий раз, когда сердце зовёт к прощению. Его трагедия в том, что он никогда не сможет освободиться от этого груза.

Ведущий 1: Вы совершенно правы! Исследуя разрушительную силу непрощения, Войнич не только предвидит гигантские масштабы её действия, но и размышляет о средствах, ослабляющих загнанное внутрь зла, о способах спасения от него.

Гость 10: Для меня главным мотивом романа является *мотив веры и неверия*. Предательство Монтанелли своей возлюбленной и своего сына произошло из-за веры. Дом, в котором Артуру приходится жить до девятнадцати лет, нелюбим им из-за проблем веры (враждебность протестантов — брата Джеймса и его жены к католикам — Артуру и его матери). Главный герой, от искренней чистой веры в Бога резко переходит к полному внешнему отрицанию религии. Хотя вера, вера осталась... Нельзя ненавидеть того, кого нет. А Овод ненавидит Бога, спорит с ним, мучительно пытаясь понять, за что ему досталась такая судьба... Он чётко осознает, что церковь для людей — это та же маска, надев которую, человек деформируется. Бог для Овода трансформировался из эфирного, высшего существа в существо земное и материальное: «*Ваш бог голоден, и его надо накормить*». То есть в представлении Овода Бог — это некий языческий идол, которому в качестве жертвоприношения нужно подносить человеческую плоть.

Гость 11: Согласен с Вами! Целью жизни Артура становится склонить Монтанелли в свою сторону: чтобы он любил своего

родного сына больше, чем жестокого идола. При жизни Артуру этого сделать не удается, понимание приходит к Монтанелли слишком поздно.

Гость 12: Я хочу добавить, что Овод – яростный противник церкви, но *церковь и вера – разные вещи*. Бог существует, и Риварес признает это, даже доходит до того, что забывает о провозглашении себя атеистом: «*Только ты, зверь, называющий себя богом, – подумал он, первый раз увидев Маргариту, – мог так надругаться над этим хрупким, беззащитным существом! Мало тебе меня?*».

Гость 11: Конечно! Он называет себя атеистом после предательства Монтанелли. Но это – просто психологическая форма защиты: Оводу нужно называть себя атеистом, как бы это парадоксально ни звучало, для себя самого, чтобы заглушить боль и страдания юности.

Гость 13: А еще в романе четко просматривается *мотив страха*. Боится мать Артура, Глэдис (тайна рождения сына, зависимое положение в семье). Боится его отец, Лоренцо Монтанелли (тайна юношеской любви, рождение сына – страшный грех для католического священника). Боится узнать в неприглядном калеке друга юности Джемма. Боится потерять Джемму Мартини, а Ривареса – Зита.

Гость 1: Согласен. Тема страха проходит через весь роман. Неоднократно говорит о нём и сам Овод, который боится умереть от

голода, боится новой вспышки болезни, боится быть преданным ещё раз, боится одиночества, боится темноты – внутренней, где *нет ни стона, ни скрежета зубовного*.

Ведущий 2: К этому времени он постиг истину, ставшую главным принципом его жизни: лучшее средство победить страх – заставить бояться своих противников.

Это средство действует безотказно. Он пугает следователей своей осведомлённостью, он наводит ужас на солдат, начиная командовать собственным расстрелом: «*Смирно! И покажите, как метко вы умеете стрелять. Скоро вам будет столько работы, что не знаю, справитесь ли вы с ней. Нужно поупражняться заранее... Когда придёт наш черед, мы пустим в ход пушки, а не какие-то жалкие карабины!*». И никому из присутствующих не приходит в голову, что эта бесшабашная храбрость - только маска.

Гость 2: На мой взгляд, в романе очень много внимания уделяется ***мотиву смерти***. Смерть преследует главного героя практически на протяжении всего повествования. История Артура начинается со смерти его матери (смерть-потрясение – смерть самого близкого человека). Потом – мнимое самоубийство юноши (смерть личности и рождение новой – ей противоположной). Далее – в страшных мучениях погибает он сам. И – эпилогом ко всем этим смертям – не выдержав последствий своего выбора между Богом и сыном, уходит

в никуда его отец.

Ведущий 1: Роман Э.Л. Войнич – произведение многопластовое, поднимающее огромное количество различных проблем, и в этом его неуловимая и неизъяснимая прелесть. Давайте попробуем рассмотреть хотя бы некоторые из них.

Гость 3: Одна из проблем, поднимаемых автором в романе - *поиск собственной идентичности* (у Артура): Кто я? Кем я являюсь в этом мире? Зачем я здесь? Что я могу сделать, чтобы изменить этот мир в лучшую сторону?

Гость 4: *Проблема болезненного взросления и падения идеалов, кумиров:* Воистину - не сотвори себе кумира! Артур верил не столько в Бога, сколько в Монтанелли, Монтанелли был его кумиром - но, как все земные кумиры, Монтанелли рухнул, оказавшись банальным грешным человеком со своими тайнами и слабостями.

Гость 5: *Проблема отцов и детей:* Мучительный поиск ответа на вопрос: «Кто я для отца, который для меня – всё?»

Гость 6: *Проблема богоискательства и богооборчества* (но не атеизм, поскольку Артур-Овод атеистом не является).

Гость 7: *Проблема гуманизма* в существующем мире (вера в право любого человека на уважение и на счастье, на неприкосновенность собственной личности, своего внутреннего мира).

Ведущий 2: Вы абсолютно правы! Роман «Овод» пронизывает

чувство, что ни одна надличная фанатическая идея, будь это религия или революция, недостойна гибели или несчастья человека: несчастлив Монтанелли, поставивший свою веру и церковную карьеру выше любви к Глэдис и Артуру, несчастлив Артур, поставивший Монтанелли перед невыносимой для последнего дилеммой «Или я, или Христос!» и не согласившийся если не простить, то быть хотя бы немного мягче к и не без того настрадавшемуся любимому *padre*, да ещё звавший отца в ряды революционеров (вряд ли *padre* много знал об их деятельности, погружённый в церковные дела и молитвы!).

Ведущий 1: Печальна судьба Джеммы - она потеряла мужа, ребёнка, Артура (дважды), и ей остаётся либо жить в воспоминаниях, теребя это карандашное письмо Овода, где он почти безнадёжно уверял себя и её, что ему не страшно идти на смерть ради идеи (искусственность этой риторики бросается в глаза - особенно на фоне рыданий Овода, когда дверь тюремной камеры закрылась за его отцом, и *padre* согласился на расстрел собственного сына), либо Джемма умрёт от рака раньше времени, подобно своему отцу, либо механически отдаст себя революционной деятельности, ибо ничего не остаётся...

Гость 8: А еще - это *проблема воспитания человеческой силы, силы духа и воли*: ведь Артур от рождения не такой уж волевой

человек; так сколько же ему было необходимо преодолеть в себе, чтобы стать бесстрашным Оводом, командующим собственным расстрелом.

Ведущий 2: И ведь это не атлетический герой скандинавского эпоса, смеющийся смерти в лицо, когда ему вырезают сердце – это хрупкий болезненный юноша, а впоследствии – мужчина, впечатлительный, мнительный, подверженный галлюцинациям, который плачет чуть ли не больше всех в романе, заикается, страдает от ужасных болей (и не факт, что он сразу смог их терпеть безмолвно или с хохотом - это пришло по мере привычки, и тоже внесло лепту в то, что его личность оказалась такой изломанной), – тем большее уважение вызывает его сила воли - ведь он способен преодолеть в себе все эти слабости и, выражаясь его же словами, адресующими нас к Шекспиру, встретить собственную смерть, «*как невесту*».

Гость 9: Я хочу отметить еще и *проблему Судьбы*. Тема Судьбы, какого-то гнетущего рока ощущается в романе на уровне подсознания. Нагромождение ужасных испытаний на тонкую уязвимую психику главного героя потрясает - и важно, что, несмотря на всё это, на свою разрушенную жизнь, он остаётся самим собой и черпает внутри себя тайники неведомой силы.

Ведущий 1: Многие из тех, кто прочёл роман «Овод» в зрелом возрасте, и тех, кто читал его в юности, а затем перечёл, став

взрослым, упрекают героя в чёрствости, эгоизме, в растревлении собственных душевных ран и намеренном усилении нравственных страданий любимой женщины и отца, в неумении и нежелании научиться прощать. Я предлагаю всем гостям Литературной гостиной попробовать изложить свою точку зрения на мотивы, которыми руководствуется герой, по-своему решая эти вопросы.

Ведущий 2: Поговорим о Джемме... Отношение к ней зародилось у Артура ещё в детстве («*подруга детских игр*»). Затем пришла юность с её восторженными мечтами и романтикой о «*смерти на баррикадах за грядущую республику*». Почему её - её одну! - Артур выделил из массы девчонок с революционно-романтическим бредом в голове и - сделал сестрой души своей? И после остался верен ей, и только ей, весьма презрительно относясь к женщинам вообще («*но ведь женщину, достойную твоей любви встречаешь не каждый день*»). Ей поверял все свои тайны. (Пожалуй, только она одна знала, какое место в его жизни занимает его духовный отец – что он «*утопится, если лишится своего padre*»). Он носит на груди её записку, написанную полудетским почерком, и целует «*милые каракули*». Джим, *padre*, и Италия, которая должна стать свободной, - вот три звезды его юношеского мира.

Гость 10: Пожалуй, из-за этой, по-детски чистой, любви к Джим он и становится (невольно) предателем: чувство ревности к Джованни

Болле, сопернику, который имеет большее влияние в организации «Молодая Италия», боязнь потерять из-за Боллы любовь Джеммы пятнают чистоту его души. И восторженно веряющий в Бога, наивный, не знающий жизни, почти мальчик, он спешит на исповедь – покаянием снять груз с души... И становится предателем – как ни оправдывайся, но предателем: из-за него арестован Болла и другие студенты. Из-за своих неосторожных слов он и сам оказывается в тюремной камере. Но разве мог он хоть на миг предположить, что священник нарушит тайну исповеди и донесёт на него и Боллу властям... Ведь тайна исповеди священна!

Ведущий 1: Измученный тюремным заключением, карцером, психологическим противостоянием с полковником, ведущим допросы, в состоянии нечеловеческого напряжения Артур узнаёт о чудовищном – он, не сказавший в тюрьме ни слова, какие бы ловушки ему не расставляли, - в глазах всех своих друзей, всё-таки, - предатель.

Гость 11: «Пароходы... я говорил про них... и назвал имя Боллы», - но, осознав, что он произносит и кому – любимой девушке, - Артур пытается всё объяснить: «*Джемма! Постойте! Вы меня не так поняли! Я...*», - это крик измученной души, это мольба о помощи человека, мир которого в одночасье рухнул – «помоги мне, ведь ты, ты одна знаешь меня с детства, ты знаешь обо мне всё, пойми, что я

НИКОГДА не смог бы этого сделать!».

Гость 12: Но эта мольба напрасна. О, юность, юность со своей стремительностью суждений! Что делает Джим, его «дорогая Джим», к которой он обратился в час смертельной боли – практически на пороге смерти: как ему жить, если рушится вера? (как в известной песне Городницкого: *«земля в закате и в дыму, я умираю потому, что жить без этой веры не могу»*)? Джемма, содрогаясь от отвращения, бьёт своего друга по лицу и потом... долго вытирает ладонь о платье, словно соприкоснулась с мерзкой грязью... (*«Предать любовь может только тот, кого любят»* ... так предает его любимая *«девушка, которая была чутким другом, пока он, в минуту смертельного горя, не попросил её о помощи, а тогда она дала ему пощёчину»*). Джим предаёт своего друга детства, - легко, не задумываясь, ведь в юности большинство из нас максималисты.

Ведущий 2: Как же так? Любила, считала своим лучшим другом – и в один миг, услышав всего несколько слов, произнесенных Артуром в полуబезумном состоянии после месяца тюремного заключения, поверила, что друг способен на подлость...

Гость 13: А я сейчас невольно вспомнил сцену одной из повестей В. Крапивина о детской дружбе, где мальчишка, узнав о не слишком хорошем поступке друга, просто берёт его руки в свои, заглядывает в

глаза и говорит замечательные слова: «*Что же НАМ теперь делать?*»; он не отталкивает друга от себя, он разделяет ответственность за его поступок. Ведь мы в ответе за тех, кого приручили, за тех, кто нам верит. Жаль, что это понимание даётся не каждому и приходит, порой, слишком поздно...

Ведущий 1: Проходит 13 лет, судьба, случай, злой рок, но что-то сводит «предателей» (он невольно предал себя и товарищей, она предала лучшего друга) вновь. Он почти свободен (цыганка не в счёт, любовница – не жена), она – вдова, а значит, тоже свободна. Почему не начать всё с чистого листа? Почему сразу же не подойти и не рассказать Джемме, что он – это он (забудем прошлые обиды и будем жить дальше счастливо)?

Гость 1: Но ведь Артур (уже Феличе Риварес, Овод) *лишился за минуту* до этой встречи узнаёт о том, что Джемма, синьора Болла, – вдова, потерявшая мужа и ребёнка! А мужем её был тот самый, когда-то преданный им, Джиованни Болла... Именно Джиованни Болла написал из тюрьмы о том, что его предал Артур: Болле сказали об этом на допросе. Вспомните, что и Артуру на допросе говорили: его выдал Болла, – но Артур сразу же отмечает эту мысль: «*Это ложь! Вы совершили подлог!*» - кричит он полковнику... А Болла поверил...

Гость 2: И Артуру (Оводу, Риваресу) неоткуда узнать, чем

закончился арест Боллы в юности. Ведь, вполне возможно, что Джим до сих пор считает Артура предателем и презирает его.

Гость 3: К тому же, жизнь не пощадила когда-то красивого мальчика. Овод искален и душой, и телом. Ему страшно при мысли о том, каким его видит Джемма. Вспомните, когда она в его присутствии роняет фразу о смехе над калекой, совершенно не имея в виду его физические недостатки, как он болезненно переводит дыхание и отшатывается от неё... Душе человека, над которым пять лет издевались в бродячем цирке, больно он любого неосторожного прикосновения.

Гость 4: Да он просто не хочет ворошить прошлое! Он боится новой душевной боли. Да и что он может дать любимой женщине? У него нет ни имени, ни прочного положения в обществе (он – заговорщик, конец которого один – пуля или петля), ни здоровья. Повесить любимой женщине на шею себя – со всеми своими комплексами и неизлечимой болезнью? Нет! Никогда! Ведь он по-прежнему любит её.

Гость 5: Помните его слова: «*Мертвым лучше оставаться мертвыми. Встреча с призраком – вещь неприятная*»? На мой взгляд, Овод намеренно сторонится Джеммы, он резок с ней. Не выяснив, как она теперь относится к прошлой истории с его невольным предательством, он совсем не стремится, чтобы его

узнали.

Гость 6: А для него самого встреча с юностью оборачивается пыткой: сознание снова и снова начинает возвращать его в прошлое, заставляя шаг за шагом переживать весь ад его жизни. Именно сейчас, когда он так хотел забыть Южную Америку! («я помню себя только с того момента, когда, одетый во все новое, отправился с экспедицией *Дюпре в горы*»).

Ведущий 2: И наступают Святки с их карнавальной мишурой. По улицам, сменяя маски, с криками и смехом движется процессия бродячего цирка. А для героя – словно стремительно переворачиваются песочные часы, заставляя идти время вспять: он снова невероятным для себя образом оказывается на цирковой арене – «без имени, лица и без судьбы». И кажется, что все последние годы – лишь только сон, причудливая насмешка злого рока, привидевшаяся ему на рассвете между кошмаром безнадёжной действительности и темнотой забытья. И ему вечно суждено носить этот фальшивый горб и почти сросшуюся с лицом смеющуюся маску, слыша не стихающий ни на мгновение издевательский хохот толпы...

Ведущий 1: А Джемма, как добрый ангел, вдруг оказывается рядом. Она инстинктивно загораживает Ривареса от всех и, открывая окно, вырывает из марева безумной галлюцинации, давая время прийти в себя. Самая чуткая из окружающих, она чувствует боль его души.

Наверное, поэтому и не может после отказать Оводу, когда он просит её пойти с ним гулять... Зачем он ведет её в балаган бродячего цирка?

Гость 7: Он говорит, что ему «тяжело», что он «не хочет в этом вечер оставаться наедине с самим собой». И это правда: прошлое стремительно настигает героя и накрывает своим глухим колпаком: от себя, из плена собственных воспоминаний не убежать, не спрятаться, как бы ты не пытался.

Гость 8: Нет! Я думаю, что он, скорее всего, хотел увидеть реакцию Джеммы на роль шута в бродячем цирке, роль, которую ему поневоле пришлось исполнять целых пять лет. Будет ли она тоже смеяться (вместе со всей публикой) над гримасами и ужимками клоуна «в дурацкой одежде с колокольчиками», или её передёрнет от циничных шуток цирковой программы, и она захочет уйти...

Ведущий 2: Или она – одна из всех – все же сердцем сможет понять и прочувствовать, как страшна, как унизительна для человека эта роль, и найти для него, *все еще стоящего на этой проклятой арене*, слова сочувствия. Ведь для героя это вопрос жизни и смерти: примет ли любимая женщина *такое* его прошлое?

Ведущий 1: А Джемма, боясь коснуться темы физических недостатков человека, вообще старается избежать этого разговора. Она в полном замешательстве – неужели синьору Риваресу нравится

низкопробный репертуар бродячего цирка с плоскими избитыми шутками и нелепым кривлянием?!

Гость 9: Это только сначала! А потом её взгляд падает на лицо своего спутника, искаженное нечеловеческим страданием – «*Дантов ад*». Она слышит его пронзительный монолог о нагой и немой душе, которой некуда деться от бьющего наотмашь смеха толпы. И слова Ривареса отзываются в её душе острой жалостью и болью. Еще не зная, через что прошёл этот человек, она, как в луче яркой вспышки, сорвавшей все маски, вдруг воочию видит в клочья изодранную душу, и не может найти слов утешения...

Гость 10: А через мгновение Джемма, ещё не успевшая опомниться от болезненного соприкосновения с внутренним миром Овода, становится невольным свидетелем его трогательной нежности и доброго участия к избитому ребёнку. Мaska равнодушного циника слетает как сухая шелуха, и перед Джеммой оказывается совсем иной Риварес – человек, сердце которого мгновенно отзыается на боль другого живого существа. Ведь он-то не по книгам знает, что такое голод и побои. И то, как это страшно оказаться в полной власти жестокого человека, который намного сильнее тебя...

Ведущий 2: И Джемма тянется к нему, этому другому Риваресу, тянется всей душой. Она такая же! Как она его понимает! Наверное, именно в этот момент и возникает то странное чувство, о котором

она впоследствии тихо скажет Мартини: «*Мы связаны с ним ... не по собственной воле*».

Ведущий 1: А Овод, только что «облитый» презрительным взглядом Зиты: «*Феличе! Как вы можете терпеть такую грязь?!*», с ребёнком на руках поворачивается к Джемме: «*Вы не побрезгуете им?*». Как вы думаете, почему он спрашивает Джемму об этом?

Гость 11: Потому что он ей не верит! Она - такая чистая, правильная... Он пока ей не верит! Иначе зачем задавать такой вопрос... Время меняет людей. Может, и его Джим сейчас отшатнётся, боясь испачкаться...

Ведущий 2: Он не прав! Синьора Болла, потерявшая своего ребёнка, конечно же, готова принять участие в судьбе несчастного оборвыша. Общие заботы о малыше как-то сближают двух взрослых людей. И Джемма впервые видит настоящего Ривареса. А он называет её своим «*добрыйм ангелом*», и улыбается неожиданно мягкой улыбкой... Вот только его слова о том, как лучше устроить судьбу ребёнка, которого они подобрали на улице, больно ранят сердце Джеммы: «*Привязать камень на шею и бросить в реку... потому что он беззащитней котенка... а жизнь – это ужас и боль...*». И весь вечер она будет мучительно думать над этими загадочными словами. Прозрение о милосердии даровать быструю смерть придёт к ней намного позже...

Гость 12: Но разве «камень на шею – и в воду» – единственный разумный выход, который будет в данном случае верхом великодушия? А почему бы самим не взять найденыша на воспитание? Подарить малышу семью, заботу, любовь...

Гость 13: Вы думаете, что Риварес с его комплексами и неизлечимой болезнью смог бы стать идеалом настоящего отца.

Гость 12: Конечно, нет! Но Джемма? Неужели её сердце не забилось сильнее, когда Овод по полочкам разложил перед ней «радужные» перспективы, ожидающие несчастного ребёнка в дальнейшем? А ведь малыш и забота о нём могли бы стать смыслом жизни для одинокой тридцатилетней женщины... Или в её душе осталась только усталость от бесцельно прожитых лет, и она уже неспособна ни на что, кроме монотонной работы члена партии «Молодая Италия»?

Ведущий 1: Конечно, несоизмеримы цели: спасти от ужасов голодной бродячей уличной жизни *всего лишь* одного ребёнка или освободить целую страну от рабства и нищеты. Но прабабушка Овода, Беатриса Риверс, героиня романа «Сними обувь свою», предпочла довольствоваться малым. С грустной улыбкой читая на досуге труды философов о революционных преобразованиях мира (так умудренный опытом взрослый человек смотрит на малыша, вновь и вновь пытающегося соорудить башню из кубиков), она взяла

в свою богатую семью маленького оборвыша из нищей рыбакской семьи и отдала ему всю свою любовь и нерастраченную нежность...

Ведущий 2: А к Риваресу после встряски, полученной от встречи с прошлым, возвращается проклятая болезнь с нестерпимой болью, когда больно даже просто шевельнуться, больно дышать. И любимая женщина вдруг оказывается в роли терпеливой сиделки... Как вы думаете, зачем герой начинает вспоминать весь кошмар, через который ему пришлось пройти, при Джемме? Намеренно мучает её, заставляя страдать?

Гость 1: Но ведь он не знает о том, что она начинает догадываться о его тайне. А ему, молчавшему столько времени, загнавшему душевную боль в самую глубину сердца, так хочется, чтобы его хоть кто-то выслушал и понял. Не расскажешь же Зите! («*Феличе! Давай уедем, уедем в Южную Америку! Там мы будем счастливы!*»). А Джим всегда понимала его с полуслова. Их души ведь так близки!

Гость 2: Овод инстинктивно чувствует, что ему нужно рассказать о том, что его мучает, являясь страшными галлюцинациями в бреду, - выговориться, чтоб стало хоть немного легче. Когда страдание проговорено (названо) словами, душа получает передышку: этот кусочек боли отработан, можно искать пути к дальнейшему существованию.

Гость 3: За этим рассказом о себе стоит доверие к человеку, из-за

которого он когда-то сломал себе жизнь, и желание разделить с этим человеком свою боль. А это желание – быть услышанным – требует открытости, даже обнаженности!

Ведущий 1: И он говорит, мучительно подбирая слова, теребя бахрому скатерти, останавливаясь и заикаясь. Говорит, боясь взглянуть в лицо слушающей его женщины. А когда она, закрыв уши руками, кричит: «*Не надо! Я не могу большие этого слышать!*», возвращается к действительности, ругая себя последними словами: «*Боже! Какой я идиот!*». Эгоист, намеренно мучающий любимую женщину?

Гость 4: Конечно же, нет! Просто он совершенно отчаялся. Он балансирует на грани рассудка-безумия и, судорожно пытаясь выкарабкаться, рассказывает о своей боли той, которую, несмотря ни на что, он всё ещё любит...

Гость 5: Если б она нашла в себе силы дослушать его до конца, возможно, она узнала бы всё – они поняли бы друг друга и, хотя бы те два-три года жизни, что давали ему доктора Маршан и Леру после медицинского обследования (роман «Прерванная дружба»), могли прожить счастливо.

Ведущий 2: Но Джемме не хватило мужества. И Овод снова замкнулся, отгородившись щитом переборотых страданий и одиночества, вечного одиночества... Как вы думаете, хотел ли

Риварес, чтобы любимая женщина, выслушав историю его страданий, догадалась о том, что он – это Артур?

Гость 6: Скорее всего, нет. Иначе почему, несколько дней спустя, оказавшись в библиотеке, он недоумевает и хмурится: *«зачем синьоре Болле понадобилась точная дата прохождения экспедиции Дюопре через Эквадор»*. Ведь он не сказал Джемме ничего из того, что, по его мнению, могло бы привести к разгадке его личности. И в то же время сказал всё: *«...он говорил о богатом доме, о том, что кто-то обманул его... обманул, и обман раскрылся...»*.

Гость 7: Овод даже предположить не может, что после его мнимого самоубийства Монтанелли встретится с Джеммой и, стремясь удержать её на этом свете – а она сама была недалека от того, чтобы броситься в воду, – расскажет ей о своей вине: *«Успокойтесь. Не вы убили Артура, а я. Я лгал ему, и он узнал об этом»*.

Ведущий 1: А Джемма верит и ... не верит. Сердцем понимая, что друг юности жив, она упорно гонит от себя эту мысль...

Любила ли она его по-прежнему после стольких лет, прошедших со времен *«кошмара юности»*? Или просто жила воспоминаниями об ошибке, которая сделала ее седой в 30 лет?

Гость 8: Конечно, любила! Иначе бы не узнала – единственная из всех – узнала практически с первой встречи.

Ведущий 1: Узнала (*«а эти синие глаза, и тонкие нервные пальцы»*),

эта прирожденная грация движений) – и не захотела узнавать («*в тысячу раз лучше перейти в небытие, чем превратиться в Овода с его сомнительными остротами и дорогими галстуками*»).

Ведущий 2: Легче ведь любить память о далёком и чистом духе, чем калеку – и душой, и телом!

Гость 9: Ведь если Овод – это всё-таки её Артур, то как ей решиться на попытку вновь выстроить отношения с человеком, которого она так незаслуженно оскорбила в юности. А вдруг он не сможет простить?!

Гость 10: Но ведь и Риварес мучается тем же чувством вины! Вспомните его мысли: «*у Джеммы седая прядь в волосах*», а виноват в этом он – «*избалованный самонадеянный мальчишка*». Он сам называет себя так, рассказывая Джемме о причинах своего побега из дома...

Ведущий 1: Стремясь хоть как-то загладить свою вину, видя, как измучила и продолжает мучить любимую женщину эта прошлая история с пощечиной, он целует ей руку. Но, когда Джемма жалобно просит его никогда больше так не делать: «*Мне тяжело...*», Овод снова прячет душу под маской холодной усмешки: «*А тому, кого Вы убили, не было тяжело?*». Я прошу вас попробовать объяснить, почему он так жесток?

Гость 11: Что поделаешь, у Ривареса не в порядке нервы... Чуть

позже и в другой ситуации автор романа пояснит, что последняя жестокая фраза в беседах такого рода вырывается у героя в полном отчаянии – нужно поскорее закончить разговор, который, продлившись он еще немного времени, может закончиться слезами... А он не хочет слез! Он боится слез...

Гость 12: Тот, кто, помимо «Овода», знаком с сюжетом романа «Прерванная дружба», хорошо помнит страшную ночь в долине реки Пастаса, а вместе с ней – бред Феликса...

Гость 13: Я помню этот эпизод. И мне до сих пор кажется странным, что в этом бреду ни разу не всплыло имени Джеммы. «*Цирк, боль и человек, который ему лгал*» вплеталось во всё, о чём говорил герой в горячке. Но имя Джим Феликс не упомянуло ни разу. Почему?

Гость 1: Возможно, потому, что уже к тому времени давно простил её. Осознав на примере своих страданий, как бывает глупа и опрометчива юношеская горячность и к чему приводит поспешность и необдуманность решений, он простил Джемме её пощечину. Тем более, как ни крути, но Болла попал в тюрьму всё-таки из-за него, Артура Бертона!

Гость 2: Интересно, почему Зита не верит в любовь её дорогого Феличе к синьоре Болле («*с ней ты говоришь только о политике...*»), а Мартини, безнадежно влюбленный в Джемму на протяжении уже многих лет, очень быстро замечает, что у него появляется более

удачливый соперник («*было у него одно сокровище, и вот явился этот хитрец и украл его*»)?

Гость 3: Наверное, потому, что Зите не довелось наблюдать Ривареса и Джемму рядом. Зита только видела, что к Оводу приходят люди, и синьора Болла – лишь одна из этих гостей. Зита признаётся, что она не раз сидела у двери, подслушивая разговоры через замочную скважину. Что она могла там услышать?

Гость 4: Конечно, только бесконечные разговоры об итальянской политике! Она же не видела ни лица Овода, ни выражения его синих глаз. И, судя по тому, что Мартини догадался («*он любит Вас, мадонна; прогоните его!*»), Риварес не слишком владел собой, чтобы его чувства остались тайной для окружающих. Хотя влюбленные обычно все видят сердцем. Мартини, по крайней мере, это удалось.

Ведущий 2: Вот только объясняться Джемме в любви Овод не собирается («*меня ждет смерть*»): раз отвергнутый, он просто боится делать шаг навстречу... Дело, только дело для него теперь превыше всего. Из трёх звёзд, озаривших его юность, осталась лишь Италия. Он считает, что нужен своей стране, и потом... - «*может, мне посчастливится, и меня убьют*» - горькая мысль, высказанная профессору Маршану в «Прерванной дружбе» - вот ещё один мотив для того, чтобы так отчаянно тянуться к риску, постоянно ставить свою жизнь на карту – и, выпутываясь из любых передряг, несмотря

ни на что побеждать.

Ведущий 2: Риварес сделает ещё одну попытку рассказать своей Джим всё – бросится к её ногам и спрячет лицо в складках её платья – когда останется один после ухода Зиты: «*Джемма! Джемма! Как вы нужны мне!*». И ей всего-то нужно было – опуститься рядом с ним на колени, обнять, прижать к себе, заслонив собой от всех прошлых и будущих бед! Почему же она не сделала этого?

Гость 5: Синьору Боллу заставляет молчать страх не получить прощения за пощечину. Ведь на тот момент Джемма, мысленно прошедшая вместе с Оводом всю его Голгофу Южной Америки, как никто другой, понимает – насколько милосерднее с её стороны было бы просто убить Артура (если б он после пощечины просто покончил с собой!) – «*блаженны милостивцы, если ... они понимают, что это милосердие – даровать быструю смерть*»...

Ведущий 1: Почему он так и не сказал Джемме всего в тот прощальный вечер – в их «тайную вечерю» накануне казни? Почему тянул и медлил до последнего? Ведь уже точно знал, что любимая сама догадалась обо всем!

Гость 6: У меня два варианта ответа на этот вопрос. Либо, понимая, что он всё равно скоро будет схвачен и погибнет, Овод не хотел бередить душевные раны своей дорогой Джим. Просто не хотел тревожить: берег её душевный покой. Либо, Риварес по-прежнему

боялся, что будет отвергнут. Разве можно полюбить его нынешнего – заикающегося калеку?

Ведущий 2: Автор неоднократно сравнивает своего героя с пантерой, чёрным ягуаром, кошкой. И это, скорее всего, не случайно. Вам никогда не доводилось приютить израненного бродячего кота, прошедшего огонь и воду помоечной жизни?

Гость 7: У меня живет кот-найденыш. И я - как никто - понимаю, что существо, которое годами не видело к себе человеческого отношения, очень долго, а, может, и никогда не сможет поверить в доброту и любовь.

Ведущий 1: Об этом с болью говорит своему брату Маргарита, девушка-калека из романа «Прерванная дружба», безоглядно влюбившаяся в Ривареса: «*Может быть, он все-таки поймет, насколько он нам дорог, ещё пока мы не успеем состариться...*».

Ведущий 2: Овод остаётся верен себе в тот последний вечер: только романтик в душе мог так проститься с женщиной, любовь к которой он пронёс через всю свою жизнь. Им не хватило каких-то четверти часа - Овод уже начинал говорить: «*Раньше я думал, что Вам всё равно...*». И он бы, вероятно, сказал теперь всё. Но Мартини, вечно пунктуальный Мартини, часом ранее так тактично оставивший их наедине, прервал мгновение доверия и разрушил всё!

Гость 8: Оводу так и не довелось услышать из уст Джеммы, что она

любит его – его настоящего, не красавчика Артура, а именно Ривареса – хромого невротика, с рассечённым шрамом лицом; что он по-прежнему дорог ей, несмотря ни на что...

Гость 9: Он будет счастлив от того, что выбран её план для побега. В ночь перед расстрелом он ещё раз поцелует строки прощального письма, где написано её детское прозвище – «дорогая Джим» («получается, что я поцеловал Вас дважды, и оба раза без вашего согласия»). Разве мог эгоист с зачертевшей душой написать *такое* письмо?

Гость 10: Конечно же нет! Это письмо человека, прожившего короткую и бесконечно тяжёлую жизнь, но сохранившего в душе чистоту и нежность первого чувства, верность идеалам юности. Он давно простил своей Джим все старые обиды.

Ведущий 1: А сейчас я предлагаю поговорить о третьей главной фигуре романа. Лоренцо Монтанелли. На протяжении всего романа автор ни разу не показывает нам черты внешности этого человека. Мы слышим только его голос – серебристый, чистый, глубокий, проникающий в душу – голос настоящего проповедника. Этот голос словно открывает для слушателей некий божественный портал, вознося их на самые вершины беспредельной веры. И Монтанелли, едва ли осознавая это, сам становится «ловцом человеческих душ», приводящим людей к Богу.

Ведущий 2: Юный Артур – весь под впечатлением этого голоса. Он боготворит землю, по которой ступает его *padre*. Он считает Монтанелли проповедником новой веры, азам которой им всем еще только предстоит научиться после победы революции. *Padre* кажется Артуру почти святым. В него, в его безупречность и непогрешимость, юноша верит, как в Бога. По сути дела, после смерти матери у него и не осталось никого из близких, кроме *padre*. В доме сводных братьев-протестантов он совсем чужой – и по вероисповеданию, и по богатству внутреннего мира. Монтанелли становится его наставником и духовным отцом. И с подросткового возраста на протяжении семи лет Артур поверяет ему все свои беды и радости.

Гость 11: Мне до сих пор непонятен мотив мужа матери Артура, судовладельца Бертона, позволившего человеку, совратившему его жену, заниматься с сыном, рожденным от этой грешной страсти. Но, как бы то ни было, Монтанелли получает возможность видеться и заниматься с сыном, не подозревающим об их кровном родстве.

Гость 12: И чем старше становится Артур, тем больше начинает проявляться их внешнее сходство. Это сходство замечают даже случайные люди: туристы в Швейцарии принимают Монтанелли за отца юноши, а потом, поняв, что перед ними священник, снисходительно предполагают, что Артур – племянник каноника. И

юноша, не догадывающийся о правде, произносит замечательные слова: «*Mне бы так хотелось, padre, на самом деле быть вашим племянником!*», позволяющие священнику открыть своему сыну тайну его рождения. Но Монтанелли колеблется, медлит и никак не может собраться с духом, упуская возможность снять бремя вины со своей души.

Ведущий 1: Действительно, наверное, очень нелегко рассказать о ***таком*** мальчику, верящему в тебя, как в Бога. Ведь тогда, скорее всего, придётся рас прощаться и с восторженными взглядами, и с доверительными разговорами. Чистый наивный мальчик не простит своему «*безгрешному*» кумиру нарушения всех мыслимых и немыслимых обетов, отвернётся, отвергнет навсегда.

Какие слова нужно было найти, чтобы сын понял и простил? Понял, что человек – мирянин или священник – слаб, а любовь – слишком сильное чувство (вспомните у Булгакова: «...*любовь выскоцила перед ними, как выскаивает убийца с кривым ножом, и мгновенно поразила обоих*»).

Гость 1: Я могу понять Глэдис – полудевочку-полуженщину, выросшую на острове в полном неведении жизни и вышедшую замуж за человека вдвое старше неё. Безграничная вера в Бога, вложенная в её душу с раннего детства, мистическое восприятие мира, доставшееся ей от отца – легко читающего души других людей

и, несмотря ни на что, верявшего в лучшее в этих людях, - как при таких качествах она могла остаться равнодушной к обаянию проповедей Монтанелли? А он, в свою очередь, был покорен этим безмерным обожанием юной женщины «*с лицом средневековой святой или феи кельтских лесов*». Что ж, человек всегда остается человеком, и они смогли спуститься с небес на землю, когда уже было слишком поздно.

Ведущий 2: Но как объяснить мотив написания письма-признания к мужу, подписанного дрожащей рукой Глэдис и уверенной – Монтанелли? Письма, отданного мистеру Бертону за 4 месяца до рождения сына. Чего хотели добиться этим письмом Глэдис и Лоренцо?

Гость 2: Скорее всего, развода. Если бы Бертон дал согласие на развод, родители Артура смогли бы быть вместе. Я не знаю, как Монтанелли мог снять с себя сан и жениться (если это возможно по церковным канонам). Либо Глэдис оставалась бы его любовницей, жила неподалеку, и они вместе воспитывали бы сына (что тоже не редкость в католических кругах). Но ей в любом случае не пришлось бы тогда лгать мужу и сыну... Это письмо – достаточно смелый шаг со стороны обоих.

Ведущий 1: Но мистер Бертон развода не дал. Возможно, не хотел скандала. Или не захотел отпустить и позволить быть счастливой той,

кого он – с его точки зрения – поднял из грязи, возвысил до своего уровня в обществе. А она так жестоко оскорбила его добрые чувства!

Развода не дал, Монтанелли убрал с горизонта – с дипломатической миссией в Китай, и ни словом, ни жестом не дал почувствовать родившемуся от грешной связи мальчику, что тот ему не родной («я вырос в богатом доме, меня до невозможности баловали»).

Гость 3: Ад в жизни Глэдис начался, когда муж умер. Но и то тайна, известная старшим детям Бертона и его невестке, не коснулась взрослеющего Артура. С его матерью обращались хуже, чем с прислугой, а он никак не мог понять – почему?

Его сводные братья, практически не общаясь с Артуром, никогда не стесняли его в средствах, оплачивали его обучение в университете и были готовы нести за него ответственность. Достаточно вспомнить сцену ареста: «*Имеет ли эта история отношение к денежным делам? Если так, то я мог бы...*». И Джеймс, и Томас Бертоны не жалели для Артура денег, вот только понять и принять чужого им ребёнка не могли.

Гость 4: Кроме того, Артуру постоянно, стараниями жены старшего брата, ясно давали почувствовать, что в семье им тяготятся. Вполне естественно, что одинокий юноша стал тянуться к тем, кто был к

нему добр, и кто хорошо к нему относился. В частности, к Монтанелли, своему *padre*. И это же одиночество души привело его в организацию заговорщиков «Молодую Италию» - там его друзья, там девушка, которую он любит.

Гость 5: Выращенный в католической вере, Артур, на первый взгляд, очень религиозен: строгое соблюдение поста, благочестивые мысли, молитва... Вот только религиозность эта, если вдуматься в смысл его идей, вызывает удивление: Артур, вероятно сам об этом не догадываясь, *в Христа в его евангельском понимании не верит*. Для него Иисус Христос представляется пламенным революционером, борцом за свободу человеческой личности, пришедшим на землю, чтобы построить новое справедливое общество.

Гость 6: В своих религиозных убеждениях *Артур бессознательно заменяет внутреннюю борьбу с грехом, которую проповедовал Христос, на внешнюю борьбу с врагами родной страны*. Даже в революции для него видится, в первую очередь, религиозный смысл: идеи спасения и преображения человека, освобождения от австрийских оккупантов, создание земного рая – единой счастливой Италии.

Ведущий 2: Более того, фактически для юноши любовь к Богу и вера в Бога соединяется с горячей преданностью и «обожествлением» *padre* – своего духовного отца – католического

священника Лоренцо Монтанелли. Артур свято верит в духовное величие Монтанелли, верит в непогрешимость и всемогущество католической Церкви, в необходимость неуклонного исполнения всех её догматов. Принимает ли его идеи *padre*?

Гость 7: Нет, он в ужасе: в том, что его сын примкнул к заговорщикам, он видит «*отмщение Господа*», которое настигло его, «*как царя Давида*» - «*сын, рожденный от тебя, умрет*».

Мне кажется, узнав, что Артур состоит в тайном обществе, *padre* мысленно уже похоронил сына, примирившись с тем, что именно такую кару приготовил Господь за его тяжкий грех.

Ведущий 1: И в это самое время (*так кстати!*) Монтанелли предлагают повышение по службе - епископство, которым он, вроде бы, совершенно не дорожит, и он уезжает. Ну, уехал и уехал. Многие при прочтении романа даже не обращают на это внимания.

А теперь переложим принятие им этого епископства на современные ноты. Представьте, что у вас есть сын девятнадцати лет, существо яркое, талантливое, экзальтированное, одинокое и совершенно неопытное в житейском смысле. Его мать умерла. Никого, кроме вас, у него нет. Он живёт у родственников, которые к нему совершенно равнодушны и даже враждебны. А вы – его отец и заодно его духовник. И вот это нежное тепличное создание, ваш сын, становится членом тайного политического общества. А за это -

расстрел. Вы боитесь за него. Он ужасно неопытен и доверчив.

Ведущий 2: И вот вам в это время предлагают должность... допустим, первого вице-президента компании. Но для этого вы должны уехать в другой город.

Встает вопрос: нормальный отец, которому дорог его ребёнок, поедет? Сынок в тайном обществе, на дворе реакция, аресты. Нормальный отец не поедет, даже если ему уж очень хочется быть «первым вице». А Монтанелли, судя по тексту, вроде даже и не очень-то этого хочется.

Гость 8: Он колеблется до последнего (уехать? остаться?) и предлагает сделать за него выбор ... сыну: «*Артур, если хочешь, я откажусь* (от епископства)», - нашёл, у кого спросить! Артур не знает ни об одном из «дамокловых мечей», висящих над ним - ни о своём происхождении, ни о системе церковного шпионажа. Да он и жизни-то, по большому счёту, не знает! С таким же успехом Монтанелли мог проконсультироваться у первого встречного! Или монетку бросить...

Ведущий 1: И ещё в это же время в семинарии появляется новый ректор, с которым Монтанелли суховат. Не нравится ему этот отец Карди почему-то. Может быть, неспроста? Может, он знает, что Карди – провокатор?

Так почему не предупредить наивного чистого душой мальчика,

что и среди священников бывают негодяи? Что не обо всем стоит говорить на исповеди? Как будто он, Монтанелли, не знает, что многие священники сотрудничают с полицией!

Ведущий 2: Ну да, это был бы тяжелый и неприятный разговор. Мальчик бы ужасно переживал и, возможно, потерял бы веру. И как, скорей всего, рассуждает Монтанелли: да ладно, может, всё и так обойдется. А не обойдется, так, *может, быстро и без меня всё кончится – а мне останется только потом всю жизнь сожалеть – но это будет моим искуплением за тот старый грех прелюбодеяния* (а так – уж очень он становится на меня внешне похож, все вокруг это замечают... нет, нужно уезжать...).

Гость 9: Не обходится! И мальчик попадает в беду, случайно проговорившись на исповеди, и сидит в тюрьме, и оказывается в карцере, и никто из взрослых, и отец в том числе, никак ему не помогают. Отец отчего-то появляется, только когда мальчика уже выпустили из тюрьмы (почему он его не встречает? Мальчик ведь совсем, в крепости сидел, в карцере), когда он уже получил от любимой по лицу и вроде как утопился. И папа делает Джемме трагическое лицо: «*Это я его убил*». И страдает. Ну что тут можно сказать? ***Не отец он своему мальчику!***

Ведущий 1: А ведь это классическая история. Родитель говорит ребёнку: я тебя люблю, и ребёнок думает, что да. Но родитель не

говорит, до какого места он его любит, а где уже перестает. Ребёнок понимает так: меня любят больше всего остального. Уж конечно больше, чем епископства или карьеры. А вот и нет!

И то, что Монтанелли не сказал мальчику, кем он ему приходится – предательство. Боялся оттолкнуть? Даже после слов Артура, что вы, *padre*, были бы хорошим отцом?

Гость 10: Может, и боялся – но тем самым он лишил Артура отца. Признайся он – Артур бы знал, что у него есть не духовник, а отец, самый настоящий отец, к которому можно прийти не на исповедь или там на урок философии, а за помощью, за отцовской любовью и за той защищенностью, которую может дать ребёнку отец.

Гость 11: И тогда Монтанелли пришлось бы не только исповедь у него принимать, а заниматься своим мальчиком, учить, лечить его душу и делать всё то, что делают любящие отцы, которые присутствуют в жизни своих детей.

Ведущий 2: Что мог почувствовать юноша, когда ему так жестоко и неприглядно открылась правда о его рождении? Зачем он повторяет вновь и вновь эту странную фразу: «*А не кажется ли в-в-вам, что в-в-все это удивительно з-забавно?*» Почему он вдруг начинает заикаться?

Гость 13: Трагедия, которую в один миг пережил Артуром, вовсе не в противоречии между благостью Божией и злом, творимым

свободной волей падшего человека, а в жгучей обиде ребёнка, неожиданно узнавшего, что у него есть родной, настоящий отец. Который всё время был рядом, но отцом ему – не был. Который оставил сына и возлюбленную на произвол духовно чуждых родственников и не смог защитить их от нападок и нелюбви... Который выбрал – Бога и Церковь, а не сына...

Гость 1: Видимо, вся недолгая жизнь пронеслась у Артура перед глазами за одну короткую минуту. Он, наконец-то, понял презрительные взгляды Джуллии, которые жена сводного брата бросала на его мать. Понял причину страха, вечно застывшего в глазах и всем облике матери. Почувствовал сердцем глубину её боли, стыда и отчаяния. Он – незаконнорожденный! Все беды его матери – из-за него! (Как в саге Коллин Маккалоу «Поющие в терновнике»: когда старший сын Фионы узнаёт о том, что он рождён вне брака. «Я винил тебя», - говорит Фрэнк мужу своей матери, вырастившему его, как своего ребёнка, - «*А оказалось, всё – из-за меня... из-за того, что я родился...*»).

Ведущий 1: Как вы думаете, смог бы Артур простить своего отца?

Гость 2: За любовь к матери до его рождения? Скорее всего, да. Это он был в состоянии понять, ведь сам с раннего детства носит в сердце чистые нежные чувства к Джемме. Вот только рассказать обо всем этом ему должен был сам Монтанелли, а никак не Джуллия!

Гость 3: Если вспомнить бред Феликса в долине реки Пастаса, то можно понять, что Артур винит отца только в одном: «*Почему вы не сказали мне всего, padre? Неужели вы думали, что я не пойму?*». Для него («*неправда есть неправда, а страдание есть страдание*») любовь – это, в первую очередь, доверие. Он считает, что в 19 лет был готов понять и принять то, что случилось с его родителями до его рождения.

Гость 4: И не понимает он одного, как так вышло, что вся тяжесть греха двоих пала на голову только его матери, а потом – на него, Артура.

Ведущий 2: Своим «мнимым самоубийством» юноша сознательно затыкает рот Джулии и её грязным сплетням: «*Со мной покончено. На мне лежит проклятие. А они попридержат языки, раз из-за этого произошло самоубийство в таком богатом семействе...*». И обращается к *padre*: «*А Вы будете святым в раю! Богу ведь не привыкать спасать мир ценой чужих страданий...*».

Гость 5: А потом через 13 лет, окончательно потеряв веру в справедливость Бога, став сильно жалящим Оводом, он совершенно искренне считает, что **весь ад, через который ему пришлось пройти в Южной Америке, - это искупление грешной жизни отца** – «*падут грехи отцов на детей*» («*разве расскажешь о тех бедах, которые вы навлекли на меня ... Padre, нет таких мук, каких я не*

испытал за Вас!»).

Гость 6: А отец всё равно любит его меньше, чем Бога! И этого он не может понять и простить отцу, хотя продолжает его любить всей душой. Вся беда в том, что для Артура Бог – это глиняный идол, требующий кровавых жертвоприношений (*«Ваш Бог голоден и его нужно накормить!»*). А для Монтанелли – это свет, к которому он ведёт свою паству всю жизнь...

Ведущий 1: Многие читатели упрекают Овода в том, что он, сам сломав свою жизнь (никто ведь не заставлял его бросать всё и убегать в Южную Америку!), перекладывает вину за опрометчивый поступок на плечи отца и любимой девушки. Ведь не они заставили его сбегать из дома, он сам так решил... Но попробуем разобраться, был ли у героя иной путь?

Гость 7: Невольно став предателем, от которого отвернулись все – и друзья, и любимая, Артур не видит для себя места в этом мире. Он никак не может понять: за что? Почему Бог так жестоко поступил с ним? Ведь он, Артур, всегда старался соблюдать все заповеди Бога, жил по правилам верующего человека, сознательно не желающего и никому не делающего зла...

Гость 8: Но... он мечтал о мученическом венце (*поистине – бойтесь своих желаний, ибо боги могут услышать и исполнить!*). И, быть может, арест, допросы, карцер и «мнимое» предательство – это

просто звенья одной цепи испытаний, посланных Богом для проверки его веры? А Артур просто этого не понял...

Гость 9: Нет! Вы не правы! Если обратиться к тексту, то можно отметить, что и арест, и последовавшие за ним допросы юноша воспринимает в правильном ключе – как возможность испытать свои силы: недаром он просит, опустившись на колени перед распятием в алькове матери: «*Господи! Дай мне силы быть верным до конца!*».

Ведущий 2: И Господь даёт ему эти силы: едва ли полковник мог ожидать такого мужества и выдержки от хрупкого изнеженного барчука, попавшего в казематы его тюрьмы по собственной наивной глупости. Артур с честью переносит все тяготы тюремного заключения. Вот только мысли о Боге постепенно покидают его сознание. Как за соломинку цепляется он за молитвы, но не может совладать с раздражением на полковника, на грязь и смрад тюрьмы. Не получается у него сносить невзгоды с христианской кротостью! И он очень удручен этим...

Гость 10: А потом, буквально за четверть часа до освобождения, Артур узнает о своём «предательстве». По всей вероятности, это новое испытание, приготовленное для него Богом. Вот только юноша об этом не догадывается! Даже в кошмарном сне ему не могло привидеться подобное... «*Да разве Христу ведомы такие страдания?*» - восклицает он с горечью: «*Его ведь только предали,*

как Боллу... А ловушек ему никто не расставлял... И сам он не был предателем!».

Ведущий 1: Легко быть героем, когда на тебя смотрят сотни восторженных глаз. Гораздо труднее выдержать моральный прессинг, оказавшись один на один с врагом-полковником в тюремных застенках. Но труднее всего выстоять и остаться верным себе, когда невозможно доказать свою невиновность тем, кто тебе дорог. Вынести это герой оказывается не в силах! И мальчик решается на самый страшный для верующего шаг – больше не жить. Что это? Юношеский максимализм: «самоубиться», чтобы те, кто сейчас не понимает и презирает, потом пожалели и мучились угрызениями совести?

Гость 11: Да нет же! Таких мыслей у Артура нет и в помине. Он просто не знает, зачем жить дальше – как жить, если все от тебя отвернулись? Если Бог не покарал громом священника, нарушившего тайну исповеди... Если он, Артур, для друзей теперь – самое последнее ничтожество, заслуживающее одного – постыдной смерти...

Гость 12: Полностью согласен с вами! Ведь Джим и «*товарищи по великой и священной работе*» - это всё, что у Артура оставалось после смерти матери. Padre не понимает и не принимает его новых идей. «*Да, padre тяжело будет перенести это (его самоубийство)*»,

но – иного выхода нет: если в него не верит даже любимая, ему не поверит никто. Предателя найдут и застрелят, как собаку, без суда и следствия – это норма для тайных организаций. Поэтому верёвка или ножницы – разницы нет. Нет смысла жить, всё кончено...

Ведущий 2: Узнав о том, что он – не только предатель в глазах любимой и друзей, но и незаконный ребёнок, родившийся от греховной связи неверной жены и католического священника, Артур потрясен до полубезумия. Ему, экзальтированному юноше, выросшему с чистой верой в душе, эту душу в один миг словно выжгли калённым железом, растоптив и чувства к матери, и к отцу-священнику, казавшемуся таким святым...

Историк 1: Если поискать на просторах Интернета материал об отношении в XVIII-XIX веках к детям, рождённым вне брака, то можно убедиться, что муки Артура по поводу своего рождения вполне оправданы. В Европе того времени незаконнорожденный не имеет никаких прав, его презирают, в обществе он – плод греховной, а потому преступной связи. Значит, ничего хорошего в будущем из него вырасти не может: ему прямая дорога в ряды преступников, а в конечном итоге – в ад. Тем более, если его отец – католический священник. В глазах людей ребёнок, родившийся от связи священника с мирянкой – дитя дьявола...

Ведущий 1: И эти мысли были вложены в сознание Артура с

рождения (это неотъемлемая часть католического воспитания). Он до настоящего момента сам верил в справедливость подобных утверждений. Немудрено, что, когда ему открылась неприглядная правда, юноша остался один на один с презрением и ненавистью к самому себе: он – существо, не имеющее права на существование...

И как ему жить с этим дальше?

Ведущий 2: Как-то всё сошлось и навалилось сразу: один священник нарушил тайну исповеди, другой – вдруг оказался его отцом... А Бог смотрел с небес, разводя руками, словно говоря: «А что я мог поделать?».

Гость 1: Всевластный Господь не покарал отступников громом небесным, тем самым продемонстрировав Свое бессилие. Или равнодушие? Или, может быть, Свое отсутствие? И Артур делает бесконечно страшный по своей силе вывод: если Бог молчит – значит, либо ему всё равно – тогда, зачем он ему, такой Бог?! Либо – Его не существует... Нужно скорее проверить, правильность этого жуткого вывода: «Посмотрим, что будет, если я...», – и молоток с одного удара разбивает распятие: с Богами покончено!

Ведущий 1: Но, не лукавит ли автор, заставляя своего героя в один миг перевернуть полюса мировоззрения? Как может юноша, так пламенно верующий с самых юных лет, столь яростно и кощунственно отринуть веру?

Историк 2: Если обратиться к Фрейду, то в его трудах можно найти такое утверждение: «*сознание человека в момент критического стресса автоматически стремится «перезагрузиться», удержаться от распада путём действий внешне – грандиозных (эпатажных), однако внутренне не означающих отказа и разрыва с прежним душевным строем*».

Гость 2: Тогда - в истории Артура разбитое распятие – это обычная реакция на шок: матери, лгавшей ему всю жизнь, нет прощения; нет прощения Монтанелли, ради собственного спокойствия и карьеры, скрывавшего правду; нет прощения и Отцу небесному, под чьим равнодушным оком вершатся все несправедливости мира...

Гость 3: Юношеский максимализм не позволяет Артуру отличить один вид обмана от другого: то, что в одном случае это гнусность со стороны священника, нарушившего тайну исповеди и потому не достойного этого звания, а в другом – страсть и мука двух людей, которых соединила любовь, запретная для них обоих, – любовь замужней женщины и католического священника, их общий ребёнок и общие страдания. Юноше не хватило зрелости понять, что эти два греха лежат в совершенно разных измерениях... Как бы то ни было, на мой взгляд, рассказ Джуллии, открывшей тайну его рождения, спас Артура от самоубийства. Зачем убивать себя, если вся жизнь – это сплошная ложь, мерзкие тайны и грязь? Разве он виноват в этом?

Ведущий 2: Артур понимает одно: он больше не вправе жить в доме Бертонов – он им никто, спасибо за то, что столько лет терпели его и его мать, щедро давая деньги на образование и путешествия...

Что же делать? Остаться в городе и попытаться найти работу? Но в глазах всех друзей он – предатель, который должен смыть предательство своей кровью. И юноша находит единственный выход – исчезнуть, а, чтобы не искали, инсценировать самоубийство.

«Ищите моё тело в Дарсене», – и прыжок в неизвестное, за которым последовала лавина неизбежных страданий и отчаяние...

Ведущий 1: Как выжить в чужой стране, среди чужих людей, язык которых тебе незнаком? Как найти работу, чтобы не умереть с голоду? Как, привыкнув к постоянному анализу каждого своего шага, к исповеди, покаянию и прощению за невольные проступки, оказаться в пустоте чуждого тебе мира – без Бога в душе?

Гость 4: Вы понимаете, что Артур остался не просто в прямом смысле понятия «сиротство», он потерял и Отца Небесного, покровителя и защитника, того, кто до сих пор направлял весь его жизненный путь. *А это – самое страшное, что только может случиться с искренне верующим католиком!* Беспросветный мрак – вот она, темнота внутренняя, от которой не убежать и не спрятаться – ведь некуда бежать от себя...

Ведущий 2: Удар, полученный Артуром в этот день, был такой

чудовищной силы, что та часть души, которая его получила, так и не выправилась. Она даже не выросла, она подросток, и она болит не переставая, и нет у неё исхода и облегчения, потому что она застыла там, где её застигли эти удары и где она навсегда стала заикаться.

Вокруг этой части души выстроились другие, поддерживающие и защищающие её. Ведь жизнь продолжала наносить ему удары именно по той части души, которая постоянно болит: по чувству собственного достоинства и собственной ценности. И тогда он защитил себя так, как смог: закрыл корчившуюся от унижения и боли душу маской циника, насмешника и фата ... а ещё – атеиста. Но так ли это?

Гость 5: Конечно, нет! Он - далеко не атеист! Ведь, отрицая Бога, Риварес-Овод всё равно продолжает в него верить. Да и может ли быть иначе? Если он был воспитан с верой в Бога. А этого в одночасье не выжечь и не вытравить! Он только притворяется атеистом, убеждая в первую очередь, самого себя, а уж потом и всех окружающих, что не верит в Бога. На самом деле он – богоборец, вернее – запутавшийся мистик, у которого очень сложные отношения с Создателем. И сам атеизм для него постепенно становится очень «ненадёжным укрытием, где он ищет спасения от ... язвы, разъедающей ему душу, от страшного, вечно живого проклятия, которое когда-то было верой».

Гость 6: Беда Феликса не в том, что он не верит в Бога, а в том, что он не верит Богу, считая Его главным виновником всех своих несчастий...

Ведущий 1: Наверное, очень важно понять, почему Феликс, у которого после всех мытарств Южной Америки начала, наконец-то, налаживаться жизнь (работа и положение в обществе: он преуспевающий парижский журналист; неизлечимая болезнь дала ремиссию), вдруг всё ломает в один миг? Неужели так уж убедителен был синьор Джузеппе Мадзини?

Гость 6: На мой взгляд, его аргументы, брошенные на чашу весов, едва ли могли перевесить то, что Феликсу «подарила судьба» после стольких бед.

Ведущий 1: Тогда почему?! Чем поманил Ривареса Гурупира, заставив вновь ступить на зыбучие пески итальянской политики? Возможностью вернуть молодость?

Гость 7: Но в одну реку нельзя войти дважды! Не может же быть так, что Овод не понимает этого!

Гость 8: Может, Феликс просто уже не может жить спокойно, как живут все обычные люди? Ему, привыкшему постоянно с риском для жизни, буквально выцарапывать у судьбы еще хотя бы день, жизнь преуспевающего обывателя кажется пресной. Не этого ли так боялся доктор Маршан, предупреждая Рене: «*Не упускайте его из виду: он*

на опасном пути – он думает, что сможет жить так, как живут все люди...»?

Гость 9: Мне кажется, решающей стала всего лишь одна фраза в словах синьора Джузеппе: «*Возьмём в заложники кардиналов четырёх легатств в Апеннинах*». Ведь одним из этих четырёх легатов был его отец – Лоренцо Монтанелли, епископ Бризигеллы. И план синьора Мадзини для Ривареса – возможность лицом к лицу встретиться с отцом...

Ведущий 2: А зачем Риваресу такие сложности? Зачем, становясь заговорщиком, лезть очертя голову туда, где ты едва не погиб в юности? Возьми и просто отправься в Бризигеллу, где читает свои проповеди Монтанелли: хоть вместе с сотнями паломников, хоть – просто туристом! Все легально и никакого риска!

Гость 10: Да как Вы не понимаете?! Ведь если ему поступить так, значит, признаться самому себе, что *padre* по-прежнему слишком много для него значит. А этого-то Феликс и не может себе позволить даже на один миг!

Ведущий 1: Что гложет его все эти тринадцать лет? Почему так важна для него встреча с отцом, что за возможность всего лишь на мгновение увидеть дорогое лицо и услышать любимый голос Феликс платит такую страшную цену – ставит на кон свое хрупкое здоровье, а в конечном счёте, свою жизнь? И проигрывает всё...

Гость 11: На мой взгляд, он мечется между двух огней: простить или не простить отца (и это – только внешний пласт трагедии душевного диссонанса), простить или не простить себя (за то, что, несмотря ни на что, любит отца). И где-то на самом краю сознания теплится слабенькая надежда: а вдруг он, Артур, в силу своего юношеского максимализма что-то тогда не так понял, вдруг у Монтанелли найдется какое-то убедительное объяснение того, что случилось так давно, вдруг он все-таки любит его, своего сына... *Ведь тогда Феликс, обретя отца, ... примирится с Богом...*

Ведущий 2: А если отец действительно окажется трусом, который его никогда не любил?

Гость 12: Вот этого-то больше всего и боится Овод, страстно желая долгожданной встречи и оттягивая её. Это состояние отражается в его поступках. Джемма отмечает в нём болезненную страсть к риску: «*Ставить под угрозу свою жизнь, лезть без нужды в самые горячие места вошло у него в привычку. Он тянулся к опасности, как запойный к вину...*».

Гость 13: Но и в случае подтверждения самого худшего у Овода оставалась возможность для спасения отца. Жизнь научила его, что бессмысленно убегать от страха, надо сделать шаг навстречу ему, убедиться в своей силе, и он готов помочь отцу сделать этот шаг.

Ведущий 1: Зачем Риварес, наряду с обличительными памфлетами

против Монтанелли, пишет, прикрываясь псевдонимом «Сын Церкви», речи в защиту кардинала? Все критики и большинство читателей видят в этом раздвоение сознания героя. Но неужели дело только в безумии? Едва ли Войнич могла с такой любовью писать о человеке с шизофренией... Тогда зачем?

Гость 1: *А если предположить, что...* Ведь Монтанелли в течение семи лет был учителем Артура... И не просто учителем, а духовным отцом: то есть, человеком, которому Артур поверял свою душу. Уж ему-то, как никому другому, был знаком стиль изложения мыслей своего сына... (Если провести эксперимент: предложить учителю-словеснику набор сочинений учеников его класса без указания фамилий. Наверное, с той или иной долей вероятности, но хороший учитель без труда опознает каждый детский опус) ... Не было ли это действие Овода своеобразной мольбой: «***Padre! Да узнайте же Вы меня, наконец!***».

Ведущий 1: Какая интересная гипотеза!

Гость 1: Сначала он пишет только обличительные памфлеты. Но они не приносят желаемого действия. Реакцией Монтанелли, нашедшего один из этих пасквилей в своих покоях, было только утверждение: «*А ведь неплохо написано, неправда ли?*». Но, может, «*безгрешный кардинал*» не желает вчитываться в строки, обливающие его грязью? Не захочет ли он отнестись повнимательнее к стилю памфлетов,

написанных в его защиту? И Овод вступает в полемику с самим собой, надеясь на чудо.

Ведущий 2: Но Монтанелли слеп, как крот. Загнав своё горе глубоко в сердце, он сжился с ним и перестал адекватно реагировать на мир. Похоже, он утратил чувство логики и способность к анализу происходящего вокруг него.

Вот Овод в костюме паломника дрожащим от волнения голосом произносит: «*Я – несчастный грешник, я убил собственного сына!*» и поднимает глаза на своего отца. Да, седой парик, смуглое лицо и шрам через всю щеку. Но глаза! Их-то не спрячешь ни под каким гримом! Глаза двоих, кого так любил святой каноник – Глэдис и Артура – на миг встретились со взглядом кардинала, а сердце безутешного отца не дрогнуло, не забилось сильнее...

Гость 2: Вспомните сцену на набережной, когда Овод, поправляя плащ Джеммы, свесившийся с подножки кареты, поднял на неё глаза. И женщина, которая не переставала любить друга юности, узнала его практически мгновенно. Иное дело, что она не смогла себя заставить поверить... А Монтанелли просто не узнает! Смотрит и не видит! Так кого же любил этот святой кардинал на самом деле – Артура или своё показное горе по поводу утраты сына?

Ведущий 1: Многие читатели упрекают Овода в бездушии: зачем, прикрываясь маской паломника, старика Диего, он произносит на

площади в присутствии Монтанелли обличительную речь о невозможности прощения отца, убившего собственного сына. Зачем сыпать соль на израненную душу *padre*?

Гость 3: А как ещё Артуру узнать, помнит ли его отец, дорог ли он ему по-прежнему или душевые раны кардинала давно затянулись?

Ведущий 2: Потом, ночью, при встрече в соборе, видя в лунном свете алтаря согбенную фигуру Монтанелли, слыша его прерывистый шепот: «*Мой бедный мальчик...*», Риварес не выдерживает: «*Padre!*» и выходит на свет. Но Монтанелли и здесь не узнаёт его: смотрит в упор и ... не видит. Перед глазами кардинала лишь седой старик в сером плаще – и только. Овод вновь вступает с ним в диалог: «*Услышит ли Господь молитву недостойного?*» и получает ответ, недвусмысленно подтверждающий, что кардинал себя святым не считает: «*Я могу принести к престолу Господню лишь одно – своё разбитое сердце...*». Голос Монтанелли исполнен трагизма и муки. И Овод прощает ему всё.

Ведущий 1: В душе прощает, хоть и клянет себя за это. Как вы думаете, зачем, оказавшись в тюрьме, он просит о встрече с Монтанелли? Чтобы лишний раз помучить бедного старика?

Гость 4: А мне кажется, что Овод ждёт от отца узнавания и прощения – любви и понимания, так необходимых душам обоих

Гость 5: Но Монтанелли ведёт себя с ним, как строгий судья на

допросе отпетого преступника. Его тон по казённому сух и холоден.

И Риварес защищается от холода слов отца так, как может – усмешкой.

Гость 6: А сострадательный *padre*, ужаснувшийся жестокости полковника-садиста, бинтует правую руку Овода. Держит в своих ладонях узкую гибкую кисть, накладывает повязку и … не узнает тонкие пальцы собственного сына. Джемма узнала, а Монтанелли – нет! *Или женщины видят и любят по-другому?*

Гость 7: «*Вы поступили со мной так, как не поступают даже со злейшими врагами. Вы сумели выведать моё горе и сделали себе игрушку и посмешище…*», - негодует кардинал, но даже не задаётся вопросом: «Откуда этому преступнику известно то, о чём никто даже не догадывался вот уже тринадцать лет?». А вдруг Риварес знает что-то определённое про самоубийство *«его дорогого мальчика»?*

Тут бы понимательнее приглядеться к лицу арестанта, встретиться с ним взглядом, задуматься…

Гость 8: Но святой отец, уязвленный тем, что вновь разбередили его незаживающую рану, думает только о себе и своей боли. Он, умудренный жизненным опытом, выслушавший за свой век не одну сотню исповедей, почему-то не замечает приближение истерики у человека, сидящего напротив. Тут уже не только отцовская слепота, тут полное отсутствие эмпатии, христианского милосердия, которое

следует проявлять ко всем, даже к врагам.

Гость 9: И Овод, содрогаясь от этого «равнодушного милосердия», кидает в лицо своему отцу фразу о бродячем цирке – лишь бы скорее быть уведенным: пусть в сырую и мрачную камеру, но подальше от того, кто так холоден и безразличен к его судьбе... *Отец так и не узнал его, так и не узнал!*

Ведущий 2: Но вернёмся к образу Монтанелли... Многие читатели считают его хорошим человеком – да, слабым, запутавшимся, идущим по ложному пути – но хорошим: он помогает беднякам, раздавая неимущим большую часть своего жалования, отдаёт под больницу для крестьян целое крыло своего кардинальского дворца... Почему он делает это?

Гость 10: Потому что хочет быть безупречным пастырем!

Гость 11: А еще для него это – акт искупления прошлых грехов!

Ведущий 1: А ещё мы узнаём, что иезуитами на него возложена особая «миссия - поддерживать как можно дольше всеобщие восторги по поводу избрания нового папы и занять таким образом внимание общества, пока великий герцог не подпишет подготовляемый агентами иезуитов декрет». Что ж, миссия крупная и важная – дезинформировать доверяющих ему людей, причём в жизненно важных вещах. Понимает ли *padre* всю низость подобной роли?

Гость 12: Чего он сотворил при этом больше - добра или зла, взвесить, наверное, в принципе невозможно, так как это вещи несоизмеримые, но благодетелем я его считать не могу. Он борется со злом *далеко* не всеми возможными силами: протесты – неадекватное средство против засилья лжи и шпионажа, против тайных судов и австрийских войск в итальянских городах. Многие священники, считая, что сама церковь далеко не идеал христианства, решительно шли с ней на конфликт и даже порывали с ней, не отказываясь от Бога, а во имя его. Видимо, намекая на это, Овод язвительно сравнивает Монтанелли с Савонаролой...

Гость 13: А я совершенно не могу понять такую преданность «безгрешного кардинала» Церкви, которая лжёт, тиранит народ, вертит им самим, как игрушкой; которая предала и погубила его сына, наконец! Как можно не видеть, что его Бог и Бог, например, отца Карди – это совершенно разные боги, и не задаться вопросом, кому же всё-таки служит он, Лоренцо Монтанелли?! А так он безнадёжно пытается усидеть на трёх стульях сразу: и бедным крестьянам помочь, и существующей Власти угодить, и свою душу при этом спасти, сойдя в мир иной с руками, не запятнанными кровью.

Гость 1: Самый непредвзятый свидетель, простой крестьянин, говорит, что все попы, кроме Монтанелли, лжецы; а он «*не лжёт*

нам, и он справедлив». Но мы же с вами видим, что благие намерения этого «честного попа» ни к чему хорошему не приводят, военные трибуналы как действовали, так и действуют, а нищета и бесправие продолжают царить в его епархии.

Гость 2: И «миссия примирения», с которой Монтанелли приезжает во Флоренцию, может дать лишние год-два-три существования в Италии власти австрийцев. А годы эти стократно увеличят число напрасных жертв!

Гость 3: Неужели благостный *padre* не понимает, что его голосом истинного проповедника и умением воздействовать на паству пользуются негодяи?

Гость 2: Яснее ясного, что в руках хороших людей любая надличная фанатическая идея еще опаснее, ибо их личный авторитет внешне облагораживает несправедливое дело!

Гость 3: Овод достаточно верно охарактеризовал его поведение: «если он и не подлец, то – орудие в руках подлецов».

Ведущий 2: А вообще, кто-нибудь из читателей задумывался над тем, что это за должность такая – кардинал? Ведь если сравнить иерархию Ватикана с иерархией любого государства - то это уровень правительенного парламента, выше которого только президент. И кем нужно быть, чтобы сделать ТАКУЮ карьеру?

Гость 4: Если бы Монтанелли, действительно, был тем милым

добрый старичком, каким его воспринимают большинство читателей, он, на мой взгляд, никогда ничего бы не достиг, оставаясь простым приходским священником, максимум — ректором духовной семинарии. Чтобы сделать такую блестящую карьеру, нужно быть достаточно зубастой акулой!

Гость 5: Возможно, Монтанелли и сам понимает, что с самого рождения Артура, а после вопроса с епископством и вовсе, он стал предателем, и пытается замолить вину, сделавшись после «самоубийства» сына «добрый пастырем» и помогая морально-материально каждому встречному-поперечному.

Ведущий 1: Вы правы! Ведь, как при последнем свидании говорит ему Овод, *«тот, кто сделал это одному из малых сих...»*, вспоминая слова Христа: *«... сделал это и мне»*. А поскольку связка Овод-Иисус в романе видна невооруженным глазом, да и, сходя с ума в соборе, Монтанелли откровенно путается в том, кто из них его сын, то и получается: доброе пастырство — не истинная доброта, а покаяние. Он «делает это» Артуру. Но какой в нём смысл, в таком покаянии? Сыну-то не легче!

Гость 6: Как жилось Вам, Лоренцо Монтанелли, когда Вы считали, что Ваш сын утопился? Нелегко? И вот спустя долгих тринадцать лет сему синьору дарована возможность всё исправить. Ребёнок жив, и он просит любви, просит поддержки, хотя вокруг него злой аурой

непробиваемой брони теснятся, как шипы, его острые, злые слова и непримиримость. Вам страшно от слов Вашего мальчика, кардинал Монтанелли? Но он – Ваш сын! Или для Вас это пустые слова?!

Гость 7: Казалось бы, вот-вот всё счастливо разрешится: ведь они узнали друг друга, вышли из мрака на свет... Но все повторяется, и второй раз, совсем уже чудовищно, кардинал предаёт своего ребёнка, обменяв его жизнь то ли на свою кардинальскую шапку и молчание о старых грехах, то ли на мир в маленьком городишке. А шанс всё исправить так и остался неиспользованным! От того-то, поняв, как мало ценит его жизнь отец, и рыдает Овод всю ночь в темноте – в темноте, где, как говорил он Джемме, одиночество и скрежет зубовный.

Гость 8: Вспомните клятву на кресте, взятую кардиналом с полковника? Судьбу сына и покой своей души Монтанелли поставил в зависимость от слова нетерпимого и циничного человека - тот клялся с мыслью «*Кто из нас двоих лишился рассудка?*».

Гость 9: Это просто фантастическая деталь: полковник, которого Монтанелли презирает и которому он не верит, убедил кардинала, что в городе непременно будет бунт и что для предотвращения народных волнений нужно расстрелять его сына.

Гость 8: И он отдал на смерть сына! Поверил и отдал!

Ведущий 2: Хорошо, даже если он не мог допустить кровопролития

ради спасения своего сына – как же он взял на себя решение этой дилеммы? Нормальный отец не возьмет. Нормальный отец мальчика не сдаст, а если уж других вариантов нет – умрёт, чтоб не брать на себя решения убить своего мальчика!

Гость 10: Кажется, что в последнем своём выборе Монтанелли буквально следует словам Христа: *«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»*. Однако, жертвуя Оводом не во имя Бога, а во избежание политических беспорядков, Монтанелли поступает не как Авраам, заносящий нож над Исааком, и не как Бог-Отец, отдающий на заклание Сына, а в точности как Пилат: *«Лучше одному человеку умереть за народ»!*

Ведущий 1: А ведь он и как духовное лицо идёт на компромисс, когда под давлением полковника даёт своё согласие – поскольку Овод, как бы он ни был опасен, всё-таки человек штатский, и военный суд над ним – если не прямое нарушение закона, то «обход» его. Собственно, если прочесть этот эпизод внимательнее, то нетрудно убедиться, что целью визита Монтанелли к арестанту было не свалить на того груз ответственности, как это ошибочно воспринял сам Овод, а понять, *настолько* ли безнадёжен этот человек. Стоит ли бороться за его душу?

Гость 11: Вот только разговоры Монтанелли с узником – это верх бесактности со стороны священника. Слова больного, измученного пыткой человека он принимает буквально, похоже, не чувствуя, что происходит у того в душе и не пытаясь как-либо понять причины.

Гость 12: Мне кажется, что фразы: «*Громче зовите, может быть, он спит?!*» - могло бы вообще не быть, если бы Монтанелли - в котором, условно говоря, борются двое: отец и кардинал, решил для себя, что сын для него важнее жизни. И что любит он только его, и пойдёт ради него на всё.

Гость 13: Что нужно было Артуру-Оводу? Любовь отца. Знать, что отцу – именно отцу, а не *padre* Монтанелли, он нужен, как сын, и тот с ним не расстанется. Вот так лично я вижу эти его призывы отказаться от сана, «*снять с шеи крест*» и т.д. Ну да, здесь нужно принимать во внимание то, что нервное состояние, в котором это всё говорилось, мягко говоря, у Артура было далеко от спокойного. Тут нервы обнажены просто до предела, но оно и не удивительно, учитывая все обстоятельства!

Гость 1: Но меня больше всего удивляет в этой ситуации поведение Монтанелли - священника, который не только вступает в эти ужасные торги («*откажись от Бога, или убей меня!*») с человеком, который после болезни и пыток находится почти в невменяемом состоянии, но и сам в результате скатывается в истерику.

Гость 2: Разумнее всего было бы с его стороны успокоить сына и уйти, заверив того, что он будет с ним, что бы не случилось. А все вопросы и разногласия можно было бы вполне уладить позже, когда Артур будет здоров и на свободе. Если возникнет необходимость. То есть, Монтанелли нужно было выбор сделать - *раз и навсегда* - в пользу сына, не колеблясь. Но он всю жизнь от этого выбора бежал, и даже сейчас - в самый критический момент - он так же нерешителен.

Гость 3: И Артур в этом видит - вернее, НЕ видит отцовской любви, которая так ему нужна сейчас, которая его бы спасла и поддержала. И, если честно, то я тоже ее там не вижу. По тому, как Монтанелли уходит, оскорбившись на, по сути своей, обиженно-жалкую реплику Артура. Делая тем самым, *что страшнее всего*, свой выбор и отрекаясь от сына. Не обернувшись даже тогда, когда сын в отчаянии зовет его вернуться, чтобы, видимо, уж хоть так, пусть, как раньше, но, чтобы *padre* был рядом...

Гость 4: А вам ни странно, что Монтанелли всеми силами уклоняется от признания сына? Мне кажется, он настолько привык считать Артура мёртвым и тихо страдать, что вовсе и не хочет «чудесного воскрешения». Овод ведь почти в открытую проговаривается: «*A епископство?... A! Об этом вы забыли? Забыть так легко! «Если хочешь, Артур, я откажусь...».*

Гость 5: Да он просто никак, никоим образом не мог представить, что этот озлобленный калека-безбожник – его сын! Однако же из услышанной реплики для него должно было быть несомненным одно: Овод что-то знает об Артуре, а раз так, Артур, может быть, жив! Это единственная зацепка, которая неожиданно появилась после 13 лет отчаяния.

Тут впору схватить собеседника за шкирку и трясти с криком: «Откуда ты знаешь, что сказал я тогда Артуру?» Padre же ... хочет уйти, не договорив и не сделав ни одной попытки выяснить правду. А когда вдруг осознаёт все, реагирует и вовсе убийственно: «*Только не это.... Все, что хочешь, Господи, только не это*».

Ведущий 2: Конечно, нелегко смириться с тем, что тот Артур, которого он знал тринадцать лет назад, и Риварес, которого он видит сейчас – это один и тот же человек. Но тогда получается: того Артура – нежного, ранимого и трепетного юношу он любит. Ради него он готов пойти на жертвы, а жестокого, беспощадного атеиста Ривареса – уже нет. То есть, вот до сих пор он сына любит, а дальше уже – «*его нежное сердце*» не выдерживает? Странная любовь, что хотите со мной делайте, но я такой «любви» не понимаю! Потому что этот – вот этот измощденный, но несломленный, и все такой же беспощадный узник – ЕГО СЫН! Его Артур, которого он (*на словах*) так любит, и которого он столько оплакивал. Он жив. Он нашелся.

Теперь они могут быть вместе. Навсегда. И всё можно простить и искупить! То, что его сын стал вот таким... Да какая собственно разница?! Вот сейчас, сию секунду, какое это может иметь значение, потому что сын ЖИВ!!!

Гость 6: И сына своего любишь в общем-то любым, как в ипостаси Артура Бертона, так и в облике Феличе Риваресе. Собственно, Монтанелли это и осознаёт в итоге. Но, увы, слишком поздно. Да, наверное, в первую минуту он растерялся, сильный стресс. ***Но дальше-то ведь была возможность договориться!***

Гость 7: Со стороны Монтанелли ошибочное представление о сыне явственно видно из одной только фразы: *«Я устрою тебе побег, а когда ты будешь в безопасности, со мной произойдет несчастный случай в горах или по ошибке я приму не сонный порошок, а другое лекарство. Выбирай...согласен ли ты на это?»*. Каким же монстром он должен представлять собственного сына, чтобы сделать ему ***такое*** предложение!

Гость 8: Похоже Монтанелли напугала сама мысль о том, что в его Артуре не осталось уже ничего человеческого, что если он спасется, то будет нести людям только зло, что даже любовь отца ему нужна только чтобы *«освятить нож»*. Монтанелли ведь и предположить не мог, что всё это совсем не так!

Гость 9: Он же не видел, как *«дурной и жестокий»* Овод бросается

на помочь раненому ребёнку, как он боится испугать женщину видом своих приступов, и как готов выбрать более сложный *по риску для себя* план побега из тюрьмы, лишь бы не подвергать опасности жизнь часового. И он не видел, как атеист Овод «спонтанно» молился Богу, перепиливая решётку - не будь ситуация столь напряженная, впору бы улыбнуться на такой «атеизм».

Гость 10: Слишком долго Артур не виделся с отцом, а Монтанелли слышал об Оводе исключительно от пристрастных информаторов, да и от самого Овода, который, честно говоря, наговаривал на себя невесть что. Будь больше времени на разговоры, они бы, наверняка, непременно поняли друг друга.

Гость 11: Хотелось бы упомянуть еще вот о чём: ведь для Овода Монтанелли - представитель власти, и не просто представитель, а активный фигурант, одна из её опор. Власти жестокой и несправедливой, которая шпионит на исповеди, бросает в темницу за чтение «неправильных» книг и выбивает показания при помощи пыток. И хотя при этом Монтанелли честно пытается исправить эту власть (например, протестует против военных судов), но всё же (по сути) работает на неё и ощущает себя её частью. А это даже не всепрощение, это уже пособничество!

Гость 12: Овод не может понять, как это у кардинала Монтанелли получается. Речь здесь идёт даже не столько об отношениях отца с

сыном, сколько о масштабном противостоянии, войне, в которой решаются судьбы миллионов людей и в которой сама принадлежность к какой-либо из сторон (*свету или тьме!*) – самый веский аргумент.

Представьте себе юного партизана-подпольщика, который в Великую Отечественную попал в плен к фашистам и – неожиданно для себя – узнал в одном из полицаев родного отца. Причем горячо любимого (!) отца...

Ведущий 1: Овод столь же сильно любит Монтанелли, сколько ненавидит дело его жизни: вечную ложь проповедей из лживых уст. Он, как может, пытается разнять их, отделить друг от друга, вырвать отца из среды, которую он считает гнилой и гадкой, вырвать даже силой, если потребуется. Не для себя, не из эгоизма и не из зависти к Богу он хочет обратить отца в «свою веру», а, чтобы тот ушёл с неправедного, по его мнению, пути, чтобы они раз и навсегда перестали быть врагами.

«Неужели вы не понимаете, что я хочу спасти вас? Неужели вы не видите, что во мне говорит любовь?», – почти кричит он отцу в исступлении.

Ведущий 2: Монтанелли уже предложил сам устроить сыну побег – заметьте, этим как бы исключается возможность бунта и кровопролития, связанного с бунтом, которого он сам так опасался.

Жизни других людей уже спасены, даже жизнь Овода, казалось бы, тоже. Вот только «немилосердный», ставший за 13 лет отсутствия таким чужим, Артур бросает на чашу весов – в надежде склонить отца на свою сторону – последний из оставшихся у него аргументов – свою жизнь.

Его ультиматум действует даже после того, как отец обещал ему спасение - не обещал только себя. «*Если вы с ним, то не со мной*», «*От священника я не приму милости*», «*Padre, пойдёмте с нами! Что у вас общего с этим мёртвым миром, от которого веет тленом?*», «*Неужели вы убьёте меня ещё раз?*» - если попытаться сжать все эти слова Овода в последней сцене в одну короткую мысль, получится, наверно, следующее: **«Отец! Если ты останешься на стороне зла, мне незачем жить!»**.

Гость 13: Это не триумф революционера и атеиста, это отчаяние сына! Революционер, естественно, воспользовался бы любым предложением, позволяющим ему бежать и продолжать свою революционную деятельность. А Овод и впрямь любит отца больше своего дела, больше своей жизни. Он доказал это и во время своего ареста, когда опустил оружие, боясь нечаянно ранить отца, и вторично теперь – пожертвовав жизнью за один только шанс перевести отца на свою (*с его точки зрения*) светлую сторону...

Гость 1: А Монтанелли... кажется, просто *вообще* ничего не понял.

Сначала он думал, что сын хочет ему мстить, потом, похоже, просто отчаялся: «*Господи, ты слышишь?*».

Ведущий 1: Но попробуем разобраться в сложившейся ситуации, встав на позицию кардинала Монтанелли и посмотрев на мир его глазами. Судите сами, но, возможно, он рассуждал так: *«Если я соглашусь принять ультиматум Артура и обнародую своё отцовство, то формально я поступлю честно в том числе и по отношению к Церкви»*. Но реально это будет актом отречения от служения ей, ударом по ней, отречением от Бога, отказом быть его верным слугой. К тому же (об этом говорится не прямо, но весь смысл противопоставления - один или многие - сосредоточен именно здесь) политическая и социальная обстановка в городе такова, что своим отречением от сана Монтанелли подорвет народную веру.

Ведущий 2: Речь идёт даже не о жизнях - о душах людей. И когда заходит речь о спасении души сына - ведь если Монтанелли пойдет с сыном, этот акт вернёт сыну веру в него и, возможно, откроет путь к примирению с Богом (фигура Монтанелли для Артура дублирует фигуру Бога-отца) - Монтанелли жертвует душой сына ради спасения других душ, его верой ради веры многих. *И в этом, похоже, истинный смысл его выбора между сыном и народом.*

Гость 2: Знаете, а ведь, помимо навязанной ему альтернативы –

отречься от Христа или послать на смерть любимого сына, – у Монтанелли, на мой взгляд, был ещё один, хоть и самый трудный путь: *ответить отказом и полковнику, и Оводу, и остаться служителем Божиим, молясь за обоих; снова и снова пытаясь совершиить, казалось бы, безнадёжное дело – отогреть, спасти, исцелить кровоточащую душу заблудшего сына, которого Бог вернул ему поистине чудом.*

Да, гражданский суд отправил бы Овода на каторгу, которой тот, скорее всего, не пережил бы, но здесь уже от Монтанелли ничего бы не зависело, к тому же это дало бы обоим время для раздумий, для возможного примирения и покаяния (или для нового побега).

Стоил ли этот шанс лишних тюремных страданий взамен быстрой казни?

Ведущий 1: С христианской точки зрения – несомненно. Да, невозможно заставить озлобленного, искалеченного и телесно, и духовно человека забыть всё пережитое, превратить его в прежнего, чистого и наивного, по-детски истово верующего юношу Артура, – но можно полюбить его и таким, смирившись с его чудовищным преображением, как врач смиряется с язвами прокажённого. А ведь любовь в сочетании с верой могут творить и не такие чудеса...

Гость 3: Монтанелли этот подвиг веры и любви оказывается не под силу – слишком сломлен он своей многолетней виной, его воля

парализована. На провокации измученного и обозлённого узника он ведётся не как духовник со стажем, а как невротик. Слишком много думает он о себе, своей вине и потере, и слишком мало – о реальном живом Артуре, наделённом бессмертной душой.

Ведущий 2: Нам нетрудно понять Джемму, которая, уже узнав сердцем в «противном *фате*» погибшего друга юности, думает о том, что было бы лучше для него – осться в её памяти мальчиком с хранимого портрета, или превратиться в этого странного человека со злым языком и дорогими галстуками, содержанкой-танцовщицей и скользкими тайнами...

Но для священника, а тем более – для иерарха Церкви ответ на этот вопрос может быть только один. Какие бы муки ни пережил этот человек, какими бы преступлениями (настоящими или мнимыми) ни запятнал себя, каких бы ужасных богохульств ни изрыгали его уста, всё же он жив, он не совершил того последнего непоправимого греха, за которым уже невозможно покаяние – самоубийства! Он прошёл ад земной, но Отец Небесный дал ему шанс спастись от геенны огненной... *Неужели родной отец (а в прошлом – и духовный) не сделает всё, что в его силах, чтобы этот шанс не пропал даром?*

Гость 4: А Монтанелли, скорее всего, возомнил себя Авраамом, которому Бог для проверки его веры на прочность повелел убить собственного сына...

И, на мой взгляд, *кардинал, давая согласие полковнику на расстрел Овода, до последней минуты верил, что милосердный Бог так или иначе, но вознаградит его за преданность и безграничную веру – спасет его сына от смерти.* Иначе зачем тогда было кардиналу так торопиться к месту казни и с таким искренним изумлением и непониманием при виде окровавленного тела сына повторять: «*Я коснулся его, а он ... мертвый...*».

Гость 5: Трагедия Монтанелли в том, что он не столько по-настоящему духовный пастырь, сколько просто от природы хороший, чуткий, душевный человек, которому нетрудно поступать хорошо – за это его и любят прихожане. Но в ситуации, когда человеческих сил недостаточно, он оказывается трагически одинок.

Гость 6: Я думаю, Монтанелли погибает не потому, что любит Бога больше, чем родного сына, и не в силах пережить этого раздвоения, – а как раз потому, что недостаточно сильно любит Христа – иначе он положился бы на Него.

Гость 7: Наверное, единственным, возможным для Монтанелли, способом попытаться спасти Овода – это было сказать ему: «*Послушай, Артур, в том, что с тобой произошло, виноват я и только я! Потому что я прелюбодействовал и лгал; потому что я плохой христианин, плохой священник и плохой отец. Ты имеешь право ненавидеть меня, но не вини в этом Бога! Не смей*

клеветать на Того, кто, несмотря ни на что, дал тебе этот шанс остаться в живых и спасти душу! Как дал его и мне, и священнику, что нарушил тайну твоей исповеди, и девушке, что поверила клевете, и полковнику, и хозяину бродячего цирка... Всем Своим творениям, наделённым свободной волей и обратившим свою свободу против Него и против себя самих».

Гость 8: Вместо этого Монтанелли оправдывается сам и беспомощно пытается оправдать Бога, словно бы признавая справедливость брошенных ему в лицо кощунственных обвинений: да, мол, ты прав, и распятый Христос, действительно, смеётся над твоими, сынок, страданиями, но как я могу отречься даже от такого Бога? Я же священник... Потому и не выдерживает этого испытания его вера, что, по большому счёту, в Бога он не верит; точнее, что самое страшное, живого Бога не знает.

Гость 9: Я считаю, что, если бы Монтанелли нашёл в себе силы отказался от всего в пользу сына, ему не пришлось бы тогда бросать наземь в соборе чашу с Дарами. Ведь быть до конца с сыном и значило быть с Христом.

Ведущий 1: Переоценка ценностей, ставшая главной чертой нашего времени, настойчиво вносит свои корректизы во все области жизни, не исключая привычного круга чтения. Значимость многих произведений начинает ставиться в прямую зависимость от наличия

или отсутствия в них революционных тенденций. Но судьба книг во все времена зависела от читателя, чей интерес спасал их от забвения и сохранял для потомков.

Ведущий 2: Есть книги, которые после прочтения становятся частичкой душевного мира человека. Это книги, жизнь героев которых наполнена поисками своего места в мире, стремлением понять и философски осмыслить окружающую действительность, через тернии найти свой путь к добру и справедливости. Роман «Овод» - одна из таких книг.

Ведущий 1: Пусть эпоха революций ушла в прошлое, и «Овод» перестал быть маяком для новых поколений российской молодежи, но это не умаляет его силы воздействия на читателя, ведь сюжет романа, освобожденный от духа борьбы за свободу, соединяет в себе все конфликты и драмы мировой литературы.

Ведущий 2: Мне кажется, советское отторжение религии нанесло громадный ущерб духовной составляющей нашего общества.

Я не о вероисповедании как таковом, а об утрате огромного культурного пласта, так или иначе интерпретирующего евангельскую тему. Именно поэтому само понимание идей романа Э.Л. Войнич сводилось к поверхностному восприятию - просто из-за незнания основ христианского учения. А ведь в «Оводе» с первой же строчки задаётся тема святости и мученичества во имя идеи.

Ведущий 1: Заканчивая нашу встречу, давайте попробуем перечислить - чему учит нас роман Этель Лилиан Войнич.

Гость1: Я считаю - самому важному - любви. Страницы романа пронизаны этим чувством: любовь Овода к Джемме, пронесенная через годы страданий и скитаний, любовь Артура к отцу - Монтанелли, несмотря на ужасный обман, приведший к потере веры в бога и в самого дорого ему человека; любовь Монтанелли к сыну, которого он считал погибшим...

Гость 2: Это произведение о вине и раскаянии, о сожалении и осознании невозможности исправить содеянное, об ошибках, совершенных в прошлом и страшной цене, которую нам порой приходится платить за эти ошибки. Роман учит нас прощать...

Гость 3: Книга учит выбору. В случае Монтанелли - самому главному выбору в жизни. Между сыном и Богом.

Гость 4: А еще учит мужеству, умению оставаться человеком при невыносимых обстоятельствах; учит, как не сломаться тогда, когда нет ни физических, ни моральных сил, как подняться после падения на дно и сохранить достоинство в самых нечеловеческих условиях...

Ведущий 1: Сегодня наша Литературная Гостиная была посвящена памяти леди Войнич, писателя, переводчика, композитора... автора, который совершенно ненавязчиво окунает нас в самих себя, призывая задуматься о важнейших вещах, определяющих наше

отношение к жизни.

Ведущий 2: Читая, мы мучительно пытаемся найти тот роковой неверный шаг, после которого жизнь героев летит в бездну, и уже ничего невозможно изменить и исправить. Вновь и вновь стараемся осознать ошибки и – в конечном счете – что-то изменить в своем понимании мира: иными словами, проживая книгу вместе с героями, воспитываем свою собственную душу (*гасит свечи*).

